U 456/83

373
31

78

А. Лютецкій.

456
83

МОСКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

КЪ ВОПРОСУ

О РЕФОРМѢ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

САМОБЫТНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

ОТДѢЛЪ Публичныхъ Богословск. ЧТЕНІЙ,

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,
преемн. Э. ЛИССНЕРА и Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1900.

А. Лютецкій.

456/83

373

КЪ ВОПРОСУ

МОСКОВСКАЯ ... ПОГАШЕНО ... БИБЛІОТЕКА

О РЕФОРМѢ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

САМОБЫТНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,
преемн. Э. ЛИССНЕРА и Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1900.

ПОГАШЕНО

2007044244

Дозволено цензурою. Москва, 13-го ноября 1899 года.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
94741-46

Съ любовью и благодарностью

посвящаю свой трудъ

Крестовоздвиженскому Первому

Трудовому Братству

и блюстителю его

Н. Н. Неплюеву

Авторъ.

МОСКОВСКАЯ ДАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

ОТЪ АВТОРА.

Два лица стоятъ передо мной; я счастливъ, что могу выразить свою глубокую душевную признательность за ту невидимую внутреннюю помощь, которую они оказали мнѣ въ жизни.

Знакомство мое съ Николаемъ Николаевичемъ Неплюевымъ и съ Трудовымъ Братствомъ, учрежденнымъ имъ въ Черниговской губерніи, сдѣлало рѣшительный переломъ въ моей духовной жизни; это былъ тотъ моментъ, когда душа была готова со всей силой своей отозваться на великую проповѣдь любви, которая такъ ясно зазвучала для меня въ жизни и дѣятельности Н. Н. Неплюева. Я почувствовалъ вдругъ живую струю въ мертвящемъ холодѣ нашей жизни, почувствовалъ, что именно ея нужно мнѣ держаться, чтобы не застыть и не очерствѣть душой. Но дальше самъ собою рождался вопросъ, какъ въ свою жизнь провести эти свѣтлыя идеи, какъ свою жизнь пронизать дѣятельной братской любовью. И въ самомъ дѣлѣ, какъ избѣжать сухости, черствости, казенщины, что почти неминуемо встрѣчается во всякомъ ходѣ дѣятельности. Я предназначалъ себя къ педагогической карьерѣ, но признаюсь, чѣмъ ближе наступало время начинать ее, тѣмъ страшнѣе становилось мнѣ. Я чувствовалъ, что вся энергія падаетъ во мнѣ, лишь только я мысленно ставлю себя въ ряды нашихъ учителей-мучениковъ, а часто и мучителей. У меня не было силъ даже представить, чѣмъ бы могъ я оживить этотъ казенный трудъ; тысячи условій

мертвили то, что должно быть самымъ живымъ, самымъ близкимъ къ душѣ живого человѣка — дѣло воспитанія новаго поколѣнія. Въ современныхъ же условіяхъ школа совершенно отдѣляетъ воспитаніе отъ образованія, считая своимъ дѣломъ лишь сообщать знанія. Для меня же главное было не то, *что* дается дѣтямъ, а *какъ* дается; вотъ это «какъ» совершенно незамѣтно въ нашемъ среднемъ образованіи, а это главное, это и создаетъ человѣка. Это далеко не вполнѣ зависитъ отъ личности преподавателя, какъ часто думаютъ; я вполнѣ увѣренъ, что есть много честныхъ, любящихъ свое дѣло, педагоговъ, которые не могутъ, стѣсненные массой условій, дѣлать успѣшно свое дѣло. И вотъ мнѣ приходилось, въ лучшемъ случаѣ, стать въ ряды этихъ лицъ, безпрерывно мучающихся печальными результатами своего гигантскаго труда.

Въ это именно время пришлось мнѣ познакомиться съ произведеніями Василія Васильевича Розанова, автора статей, собранныхъ подъ заглавіями: «Сумерки просвѣщенія», «Религія и культура» и др. Всѣ статьи эти я читалъ съ истиннымъ наслажденіемъ, потому что каждая страница была содержательна, оригинальна, и по формѣ и по идеѣ, будила мысли, вокругъ и около которыхъ я самъ уже не разъ бродилъ.

Не зная лично В. В. Розанова, я радъ теперь отъ души сказать ему спасибо за его *„свѣтлыя“* книжки; онѣ мнѣ много дали. Этими словами я лишь слабо могу выразить «ту таинственную связь между авторомъ и читателями, хотя онъ ихъ не видитъ и не слышитъ».

Теперь В. В. Розановъ слышитъ одного изъ нихъ.

30 мая 1899 г. *А. Люцкій.*

САМОБЫТНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

I.

Положеніе вопроса о средней школѣ.

Всякое христіанское государство въ школахъ своихъ стремится создать христіанина и гражданина. Достигаютъ ли наши школы этого? Странно даже предложить на испытаніяхъ зрѣлости воспитаннику такой вопросъ: любитъ ли онъ сознательно вѣру Христову и свою родину? Онъ не можетъ искренно отвѣтить на это — *онъ объ этомъ не думалъ*. Всѣ 8 лѣтъ школьная жизнь даже не наводила его на эти вопросы, т.-е. именно на то, что должно было бы быть самой основой всего этого 8-лѣтняго труда. Не надо думать, что нужно, не переставая, говорить мальчику высокія фразы о христіанской любви, о величіи Россіи; умный педагогъ, самъ искренно чувствующій это, всегда найдетъ возможность подготовить эти выводы въ развивающихся умахъ и путемъ сопоставленія историческихъ событій, и знакомствомъ съ оригинальными памятниками культуры, а главное — внимательнымъ отношеніемъ къ самой повседневной жизни. Нельзя отрицать глубокаго истинно культурно-воспитательнаго значенія, которое имѣла въ свое время исторія Карамзина

на многихъ русскихъ людей. А мы теперь, имѣя въ продолженіе 5 лѣтъ въ рукахъ книжки г. Иловайскаго, на всю жизнь получаемъ почти отвращеніе ко всему, что носитъ названіе исторіи. Это фактъ и фактъ грустный. Мнѣ скажутъ, что исторіи г. Иловайскаго — лишь учебники, конспектъ, служащій пособіемъ къ устному преподаванію учителя. Но кто же не знаетъ, что *вездѣ*, рѣшительно можно сказать — вездѣ, только ими ограничивается курсъ исторіи; устное преподаваніе и освѣщеніе историческихъ событій — чистая фикція, всѣми ясно сознаваемая. И вовсе преподаватели не повинны въ этомъ по причинамъ, которыя будутъ объяснены ниже.

Внѣдреніе истинъ христіанскихъ въ школѣ происходитъ двумя способами: 1) путемъ уроковъ такъ называемаго Закона Божія и 2) посѣщеніемъ церковныхъ службъ. Я сказалъ: „такъ называемаго“, потому что то, что преподается въ классѣ подъ именемъ Закона Божія, кромѣ исторической части своей, представляетъ лишь сухую, безжизненную догматику; но почему все это должно быть *закономъ* Божіимъ, этого вамъ не объяснитъ ни одинъ ученикъ. Истинное же слово Божіе никогда почти не доходитъ до сознанія учащихся, заслоненное этою теоретизаціей и словами учебниковъ, подобно какъ и истинная исторія сводится на нѣтъ гладенькими сказаніями г. Иловайскаго. Вполнѣ понятно, что люди, вступая въ жизнь, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о существованіи книги Іова, книгъ Соломона, пророковъ, не знаютъ, что именно содержится въ посланіяхъ апостольскихъ. Относительно же кощунственнаго посвщенія богослуженій подъ надзоромъ начальства мнѣ нечего прибавить; объ этомъ столько уже писалось

и говорилось. Бывали факты, когда за плохой отвѣтъ на экзаменѣ ученика заставляли посѣщать богослуженіе нѣсколько дней подъ рядъ въ видѣ наказанія.

Вообще можно смѣло сказать, что теперь изъ нашихъ школъ выходятъ плохіе христіане и плохіе граждане. Доказательство налицо: современное наше общество, въ большей и худшей части своей, не идетъ ли противъ Христа и противъ государства? И это уже воспитанники новой школы. Явленіе естественное повсюду — любовь къ родинѣ — у насъ шовинизмъ, предразсудокъ, отсталость понятій и т. д., словомъ, позоръ для просвѣщеннаго человѣка. Попробуйте-ка передъ нѣмцемъ дурно отозваться о Германіи или объ императорѣ, или среди французовъ — о республикѣ: каждый по-своему, но заставитъ васъ замолчать, а наши русскіе люди все потерпятъ, да еще и своего прибавятъ по мѣрѣ силъ на униженіе родной страны. Вѣдь во всякомъ случаѣ уваженія къ своей національности должно ожидать отъ всякаго истиннаго гражданина, иначе онъ ненадежный слуга государству. А землѣ родной и тѣмъ, кто любитъ ее, въ тысячу разъ дороже тотъ, кто воскликнулъ отъ чистаго сердца:

Въ Россію можно только вѣрить!

чѣмъ современные марксисты, вполнѣ убѣжденные, что не они для государства, а государство — для нихъ, чтобы платить жалованье и выдавать пенсіи за ихъ точно отмѣренный и оцѣненный трудъ.

Всѣ эти грустныя явленія, равно какъ и многія другія, давно уже замѣчены въ нашемъ обществѣ, и въ связи съ этимъ поднятъ вопросъ о реорганизаціи средней школы.

3645

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Российская государственная библиотека по народному просвещению
Н. К. П.

Реформа образованія — одна изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ отвѣтственныхъ въ жизни государства; къ ней надо подходить осторожно, безъ рѣзкихъ переломовъ, которые могутъ гибельно отозваться на дальнѣйшей судьбѣ общества. Здѣсь необходимо произвести рядъ опытовъ, рядъ временныхъ мѣръ, чтобы убѣдиться въ цѣлесообразности проводимыхъ измѣненій; на все это требуется время и время. Теперь, какъ извѣстно, министерствомъ обсуждается рядъ измѣненій въ программахъ, въ относительномъ положеніи предметовъ, предполагается уравненіе программъ низшихъ классовъ всѣхъ среднихъ школъ, чтобы облегчить учащемуся сознательный выборъ направленія своего образованія, и наконецъ, даже раздаются голоса за продленіе гимназическаго курса въ видахъ достиженія большей зрѣлости.

Не дѣло общества разбирать, насколько цѣлесообразно каждое изъ такихъ предложеній; несомнѣнно, что всякое изъ нихъ имѣетъ свое „за“ и „противъ“, и всего вѣрнѣе можно судить объ этомъ людямъ, близко стоящимъ къ дѣлу. Зато у общества есть другого рода роль, даже обязанность, о которой почти позабывается за постоянными толками о томъ, о чемъ не можетъ имѣться въ обществѣ достаточно ясныхъ понятій. Пусть министерство беретъ на себя разработку и проведеніе всѣхъ этихъ намѣченныхъ вопросовъ: въ его рукахъ всѣ свѣдѣнія, всѣ факты нашей школьной жизни, опыты въ другихъ государствахъ, — значитъ, ему и книги въ руки, но мы, всѣ въ совокупности русскіе люди, затронутые до глубины души дѣломъ образованія нашихъ дѣтей, не останемся же въ сторонѣ отъ общей работы, а напротивъ, дружными усиліями поможемъ ея скорѣйшему и наилучшему окон-

ченію. Напрасно думаютъ, что отъ отдѣльныхъ лицъ ничего не зависитъ; такъ могутъ говорить лишь честолюбивые люди, съ больнымъ самомнѣніемъ, обиженные, что „ихъ не спрашиваютъ“ въ государственныхъ дѣлахъ, а тотъ, кто хочетъ одного лишь блага, всегда найдетъ приложеніе своимъ силамъ.

Что же зависитъ отъ общества? — спросятъ меня. А вотъ что: внести въ школу, какова бы она ни была съ внѣшней стороны, то, что никакими программами, никакими циркулярами не регламентируется, да и не можетъ быть введено административнымъ путемъ; это — тотъ духъ школы, который всегда зависѣлъ *только отъ личностей* и безъ котораго школа остается лишь мертвымъ тѣломъ, пустыми казармами, назначенными для нѣкоторыхъ умственныхъ упражненій. Поддержите же школу, не со злобной критикой отнеситесь къ проводимымъ мѣрамъ, а съ живымъ сочувствіемъ слѣдя за ходомъ опыта, всей душой желая лучшаго исхода! Неужели же школа — не *наше* дѣло, не живое дѣло всякой семьи? Мнѣ скажутъ: теперешняя школа идетъ врозь съ семьей; она отнимаетъ у семьи всего ребенка и возвращаетъ его уже чужимъ ей, изуродованнымъ. Пусть правда это, но вѣдь тѣмъ энергичнѣе должны мы искать пути избѣжать этого зла, тѣмъ больше работы семьѣ, чтобы защитить дѣтей отъ гибельнаго вліянія недостатковъ школы. И лучшія семьи дѣлаютъ такъ, стараются смягчить, оправдать въ глазахъ дѣтей плохихъ учителей, несправедливое отношеніе и т. д. Но многіе ли дѣлаютъ такъ? Не чаще ли приходится слышать, какъ дѣтямъ отовсюду говорятъ, какъ ихъ учителя плохи, что порядки никуда не годны, что ихъ не учатъ, а лишь мучаютъ и т. д. Естественно, что

уже со II класса мальчикъ привыкаетъ смотрѣть на учителей и на все начальство какъ на что-то прямо враждебное ему, и всѣми силами старается итти противъ нихъ, гдѣ только можно. Вотъ этотъ коренной разладъ между учащими и учащимися, между школой и семьей трудно искоренить административными мѣрами, трудно потому, что это не входитъ въ рамки регламентируемыхъ условій, а въ каждый отдѣльный моментъ зависитъ отъ личнаго настроенія.

Ненормальность такого положенія дѣла и надо уничтожить; а это въ равной степени лежитъ и на государствѣ и на обществѣ, и даже болѣе, пожалуй, на обществѣ, потому что здѣсь дѣло именно въ самой глубинѣ, въ самомъ духѣ отношенія къ школѣ и учителю; дѣло же правительства дать форму, въ которой можетъ проявиться это сочувственное движеніе, найти приложеніе пробудившимся общественнымъ силамъ. А онѣ уже пробуждаются: дѣятельность Н. И. Неплюева и С. А. Рачинскаго на поприщѣ народнаго образованія и воспитанія указываетъ намъ на эту свѣтлую зарю „лучшаго будущаго“; нужны только люди для того же дѣла и въ другихъ слояхъ нашего общества, нужно тѣ же принципы *національнаго религіозно-нравственнаго воспитанія* провести и въ наше среднее образованіе, которое служитъ фундаментомъ для всего будущаго общества. И я вѣрю твердо, что есть такіе люди, которые ищутъ безкорыстнаго приложенія своихъ знаній и силъ къ истинно доброму дѣлу; но мы теперь такъ извѣрились во все, такъ привыкли всякую идею, всякую новую мысль очернить сперва подозрѣніями, изъязвить самымъ ѣдкимъ скептицизмомъ, что слишкомъ трудно намъ уже подняться до непосредственнаго чувствованія чистаго порыва души.

Мы слышимъ: „Вотъ дѣйствительно чистая душа, всю жизнь свою посвятившая безкорыстному, святому дѣлу!“ — и вотъ вмѣсто непосредственнаго добраго, хорошаго чувства къ такому человѣку, въ насъ начинается сложная, пристальная работа подкапыванія подъ эту свѣтлую личность, отысканія мельчайшихъ темныхъ точекъ въ его дѣятельности, въ особенности, если есть что-нибудь лично насъ задѣвающее, что можетъ служить личнымъ укоромъ гдѣ-то въ глубинѣ души. И вся эта работа кончается часто тѣмъ, что уцѣпившись за найденныя мелочи, частности, мы и все цѣлое явленіе, представляемое данною личностью, готовы извратить, свести подъ общій уровень шаблонныхъ побужденій; этимъ мы получаемъ для себя какъ бы право остаться индиферентными, пройти съ закрытыми глазами мимо того, кто громко зоветъ насъ. Сильный человѣкъ выдержитъ такое отношеніе къ себѣ: въ себѣ самомъ найдетъ онъ и силу и опору для жизни, соотвѣтствующей его пониманію; но сколько остается болѣе слабыхъ людей, горячо желающихъ принести и свои слабыя силы на утвержденіе добра въ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ сознающихъ съ горечью свою слабость, свое безсиліе въ борьбѣ съ окружающей рутиной и безжизненностью. Если обратиться въ частности къ нашему вопросу, сколько искренно любящихъ и дѣтей и свое дѣло учителей можно найти гдѣ-нибудь въ глуши нашей Россіи! Да, именно въ глуши, потому что имъ нѣтъ возможности быть на виду теперь.

Я помню одного учителя изъ времени моего пребыванія въ одной московской гимназіи. Въ V классѣ назначили намъ новаго преподавателя по древнимъ языкамъ, откуда-то изъ провинціи. Это былъ уже очень пожилой человѣкъ;

съ первыхъ же уроковъ мы всѣ почувствовали въ немъ что-то непохожее на другихъ учителей. Урокъ онъ понималъ не какъ извѣстное число строкъ и параграфовъ изъ грамматики или изъ Анабазиса, а какъ живое общеніе съ учениками; онъ старался отъ мертваго языка перейти къ живой рѣчи, указать на дѣйствительную жизнь; бывали минуты, когда всѣ мы, забывъ грамматики, забывъ чужіе уроки, которые всегда готовились въ его часы, слушали напряженно, когда онъ съ увлеченіемъ говорилъ о міровоззрѣніи древнихъ грековъ, объ ихъ величіи и упадкѣ, объ истинномъ и великомъ въ человѣчествѣ. Но это были только рѣдкія минуты: оживившійся, увлекшійся учитель случайно замѣчалъ возню и смѣхъ подъ однимъ изъ столовъ — и сразу взглядъ его потухалъ; оборвавъ на полусловѣ свою рѣчь, онъ устало опускалъ сѣдую голову на руки; намъ всѣмъ какъ-то тяжело становилось, даже сами шалуны притихали. Пройдетъ минуты двѣ — учитель вызываетъ кого-нибудь отвѣчать урокъ; все снова оживаетъ, поднимаются опять разговоры, достаются книги, готовятся чужіе уроки, и только по усталому лицу учителя видно, чего стоили ему эти минуты. А у насъ если и оставалось въ глубинѣ какая-нибудь горечь, то живо сглаживалась суетливостью учебнаго дня. Но случалось, что классъ раздѣлялся на двѣ партіи: одна нападала на другую за нахальное, безцеремонное злоупотребленіе добротой и снисходительностью этого учителя, но сама была слишкомъ слаба, неустойчива и могла иногда только живо чувствовать, какія глубокія раны шумный распущенный классъ наноситъ чуткой душѣ идеалиста. Я забыть не могу тѣхъ минутъ и того лица, съ которымъ на одномъ

изъ уроковъ этотъ самый учитель прочелъ намъ оскорбительное письмо, посланное отъ нашего класса, и со слезами умолялъ только сказать, неужели все это правда, неужели мы въ самомъ дѣлѣ считаемъ его такимъ. И мы узнали потомъ, кто изъ насъ написалъ это письмо, и ничего — погорячившись, потомъ успокоились, а многіе, вѣроятно, и забыли объ этомъ. Но учитель, вѣрно, не забылъ. Конечно, все его преподаваніе было совершенно не педагогично, классъ былъ распущенъ страшно; кончилось тѣмъ, что его отправили опять въ провинцію дослуживать свои 25 лѣтъ, а намъ назначили новаго съ особыми инструкціями *подтянуть* и способнаго на это. А нашъ неужившійся учитель, поставивъ на экзаменѣ всѣмъ хорошія отмѣтки, со слезами просилъ насъ, мальчишекъ, не винить его. Не знаю, гдѣ онъ теперь и живъ ли даже, но буду радъ сердечно, если онъ узнаетъ себя въ этихъ строкахъ и почувствуетъ, что не совсѣмъ безслѣдно пропали въ жизни живыя, искреннія чувства, выказанныя имъ когда-то шумной, разнохарактерной толпѣ учениковъ.

Мнѣ скажутъ, что такіе учителя вредны для дѣла, что они никуда не годны, какъ педагоги, потому что ученики только распускаются, ничему не учатся; я вѣдь и самъ не отрицаю, что такъ именно и было у насъ. И все-таки, именно такіе учителя нужны; только такимъ живымъ общеніемъ съ дѣтьми, когда вмѣстѣ чувствуешь и горечь, и радость можно воспитать человѣка, можно вызвать и въ немъ то же теплое живое отношеніе ко всей жизни, а не сухое, разсудочно-эгоистическое ощупываніе всего, что встрѣтится на пути. Не эти учителя не годны для школы, а сама школа не годна

для такихъ учителей; сами мы, воспитанники нашей школы, не годны для этихъ учителей; мы, вѣдь, дѣти даже, сами чувствовали, что именно мы испорчены уже, чтобы понимать вполнѣ отношеніе къ намъ идеалиста-учителя, видѣвшаго въ насъ своими добрыми глазами совсѣмъ не то, что были уже мы на самомъ дѣлѣ. Нужно очистить школу, нужно сдѣлать ее такой, чтобы было въ ней мѣсто именно этимъ свѣтлымъ натурамъ, которыя какъ бы призваны для того, чтобы освѣтить, наконецъ, мрачный фонъ нашей тяжелой жизни, чтобы еще на зарѣ этой жизни внести въ молодую душу бодрящую струю безкорыстнаго идеальнаго міросозерцанія.

Достигнуть такого направленія нашей школы нельзя путемъ административныхъ мѣръ; повторяю, это дѣло слишкомъ живое, слишкомъ душевное, чтобы можно было его охватить канцелярскими замками. Вотъ здѣсь-то и нужно любовное, сознательное участіе всего общества, нужна поддержка съ его стороны этихъ отдѣльныхъ идеалистовъ съ ихъ горячей любовью, нужно направить ихъ одиночныя усилія по новому руслу, способному съ наименьшей потерей воспользоваться ихъ силами. Дѣло общества отозваться на частное начинаніе въ этомъ направленіи, показать, что есть въ этомъ нужда, не все благополучно въ нашей жизни, что желательно внести обновленіе въ дѣло воспитанія молодого поколѣнія. Конечно, тѣмъ, кто доволенъ собой, всѣмъ окружающимъ и не замѣчаетъ нѣкоторыхъ тревожныхъ признаковъ упадка и разложенія, тѣмъ не будутъ понятны эти стремленія; но кто видитъ темныя стороны жизни и чувствуетъ съ болью, что она можетъ стать еще темнѣе для дѣтей нашихъ, тотъ пойметъ значеніе настоящей

минуты. Дѣло правительства отозваться на эти запросы общества, дать возможность выразиться имъ, хотя бы въ видѣ лишь опыта и затѣмъ, при благопріятныхъ результатахъ, расширить, распространить тѣми средствами и силами, которыми оно располагаетъ. Вотъ это и будетъ общая дружная работа общества и правительства для успѣха имъ обоимъ дорогого дѣла. Далѣе, я покажу, какъ возможно для общества, для частнаго почина желаемая реорганизація средней школы, а теперь перейду къ выясненію того, почему школа въ ея настоящемъ видѣ неспособна вмѣстить въ себя этого новаго направленія, почему въ мѣхи старые нельзя влить вино молодое.

II.

Темныя стороны школьной жизни.

Я буду говорить лишь о тѣхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчаются въ школѣ на пути молодого учителя, желавшаго бы съ живымъ чувствомъ отнестись къ своему дѣлу. Теперь все, что требуется отъ учителя, что составляетъ главную черту его дѣятельности, это добросовѣстность, исполнительность, а она выражается въ аккуратномъ посѣщеніи уроковъ, въ своевременномъ изготовленіи всякихъ свѣдѣній и вѣдомостей, въ опредѣленномъ числѣ письменныхъ работъ, въ возможно болѣе частомъ спрашиваніи уроковъ. Вотъ изъ суммы этихъ элементовъ слагается личность учителя, слагается мнѣніе о немъ какъ о способномъ или неспособномъ педагогѣ. Но вѣдь это все лишь форма одна, все это лишь внѣшнее отношеніе къ дѣлу; гдѣ же тотъ духъ, который оживляетъ

эту форму? Вѣдь есть же такіе корректные исполнительные учителя, которые отлично преподаютъ свой предметъ, т.-е. ученики выучиваютъ всѣ уроки и курсъ знаютъ хорошо, и вмѣстѣ съ тѣмъ одного появленія ихъ достаточно, чтобы согнать всякое оживленіе съ лица учениковъ, отогнать всякія живыя, яркія мысли изъ головы и сразу окутать какимъ-то удушающимъ могильнымъ саваномъ учебниковъ и грамматикъ. Передъ урокомъ такихъ учителей во всемъ классѣ бываетъ единодушное желаніе: „хоть бы *онъ* отсутствовалъ“; но ученики хорошо знаютъ, что учитель добросовѣстно относится къ своимъ обязанностямъ и явится черезъ минуту послѣ звонка. И вовсе это не значитъ, что его просто боятся за строгую взыскательность, не хотятъ его урока, потому что не знаютъ его; это далеко не всегда бываетъ. Я знаю примѣры другихъ учителей, урока которыхъ ученики ожидаютъ всегда какъ отдыха, совершенно спокойно и притомъ все равно, знаютъ урокъ или нѣтъ. Совершенно невѣрно думаютъ иногда, что ученики боятся дурныхъ отмѣтокъ; по себѣ знаю, что непріятно бываетъ не получить какую-либо отмѣтку, а самое отношеніе къ тебѣ учителя. Я учился самъ очень порядочно; дурныхъ отмѣтокъ почти не зналъ, по крайней мѣрѣ, на устныхъ отвѣтахъ, а между тѣмъ при вызовѣ нѣкоторыми учителями испытывалъ очень непріятное чувство, хотя бы и зналъ урокъ на пятерку. Непріятно самое отношеніе къ тебѣ со стороны учителя, безчувственное, безучастное; при отвѣтѣ лично становишься лицомъ къ лицу съ такимъ отношеніемъ и поэтому впечатлѣніе усиливается. Напротивъ, къ учителю, о которомъ знаешь, что онъ относится къ тебѣ не какъ къ $^1/_{40}$ такого-то

класса, а какъ къ самостоятельному цѣлому, имѣющему собственную личность, и отвѣчать выходишь безъ всякаго томительнаго ощущенія. Лишь въ свободѣ отношеній между ученикомъ и учителемъ возможно настоящее развивающее вліяніе послѣдняго. Истинной же высоты своего вліянія учитель достигаетъ лишь тогда, когда, не зная урока, я чувствую, что дѣлаю больно любимому учителю, заслуженную двойку сознаю какъ отмѣтку о своемъ *дурномъ* отношеніи и къ дѣлу *и къ человѣку;* я не могу уже быть при этомъ спокоенъ; мнѣ тяжело, когда я вижу, что и учитель мой принимаетъ близко къ сердцу мою небрежность и именно изъ любви ко мнѣ самому. Вотъ идеальное отношеніе между ученикомъ и учителемъ а гдѣ мы его встрѣтимъ?

Если мы представимъ себѣ свѣтлую личность учителя, способную возбудить къ себѣ любовь въ своихъ ученикахъ, то вѣдь надо дать ему возможность отозваться на это чувство; вѣдь, любовь нельзя вынуть и полюбоваться на часъ, это чувство требовательное, оно требуетъ всего человѣка. Если дѣти любятъ своего воспитателя, они уже имѣютъ право завладѣть всѣмъ имъ, его временемъ, его мыслями, его чувствами. Я видѣлъ сельскихъ учителей и учительницъ, отъ которыхъ дѣти не отрывались почти весь день. Въ чемъ проходитъ весь такой день? Да именно въ томъ, что и нужно назвать образованіемъ человѣка. Минута за минутой, капля за каплей впитываютъ въ себя любящіе ученики все, что есть только доступнаго имъ въ личности любимаго учителя; это будетъ и знаніе новаго, и пониманіе стараго, и нравственный укладъ всей души его, быть можетъ, даже многое внѣшнее — манера обращенія съ людьми, манера гово-

рить, держать себя, образъ жизни, наконецъ, словомъ — все до послѣднихъ мелочей можетъ быть воспринято отзывчивыми, любящими натурами. И это не будетъ копировка, безсмысленное попугайство всѣхъ по одному шаблону; при свободѣ, которую даетъ любовь во взаимныхъ отношеніяхъ, можетъ выказаться все богатство индивидуальности, заложенное въ душахъ; иной ученикъ можетъ пойти дальше своего учителя въ томъ, на что больше отозвалась его душа. Идеальный учитель долженъ быть высокой душой, долженъ стараться удержать себя на должной высотѣ, чтобы всегда быть для окружающихъ его молодыхъ душъ, какъ бы аккордомъ тѣхъ нравственныхъ тоновъ, на которые отзывается каждая изъ нихъ. Развѣ можетъ быть этимъ учитель средней школы? Стоитъ только дать себѣ ясный отчетъ, изъ чего слагается жизнь учителя средней школы, жизнь, въ которой долженъ онъ осуществить свои благіе порывы.

Чтобы не осложнять картины, возьмемъ человѣка холостого, какими и бываютъ большею частью молодые учителя. Жизнь въ меблированныхъ комнатахъ; съ 9 часовъ форменный сюртукъ и ежечасныя перемѣны декорацій, каждый часъ новая группа въ 30—40 человѣкъ, частью слишкомъ усталыхъ, апатичныхъ, частью слишкомъ живыхъ, разсѣянныхъ; но вотъ апатія нарушилась, подошли къ живому вопросу; случайная фраза, вскользь брошенная мысль пробудила вниманіе, всѣ слушаютъ, соображаютъ; вотъ, наконецъ, кто-нибудь рѣшается прибавить нѣчто свое, и въ другихъ тоже начинается внутри работа. Вдругъ рѣзкій звонокъ, и затѣмъ шумъ по всему зданію. „Ну, до слѣдующаго раза, господа“... А то такъ. Учитель старается подтянуть слабыхъ учениковъ; чет-

верть скоро кончится. Вызываетъ одного изъ такихъ; видитъ, что тотъ хочетъ поправиться, работаетъ, но съ трудомъ уясняетъ себѣ; учитель старается помочь ему, дѣло идетъ, повидимому, на ладъ; это пріятно учителю; видно, что и ученикъ ободренъ, что его не считаютъ такимъ уже никуда не годнымъ; еще немножко терпѣнія, и ученикъ усвоитъ довольно хитрую теорему. Учитель взглядываетъ мелькомъ на часы и сразу обрывается: осталось три минуты до звонка, а урокъ еще не заданъ. „Это мы въ слѣдующій разъ“. И чувствуетъ, что ложь говоритъ, потому что у него еще десятка полтора такихъ, которыхъ поправить надо, а уроковъ только три въ недѣлю. Звонокъ гремитъ, ученикъ остается съ смутными обрывками не уясненной до конца теоремы, а учитель уходитъ, глухо сознавая, что часть его энергіи брошена на вѣтеръ. И вотъ эти минутныя недомоганія съ теченіемъ времени обращаются въ хроническую болѣзнь учителя; какъ капля долбитъ камень, такъ подтачивается и его энергія, и свѣтлые порывы обращаются въ горькія воспоминанія. Въ перемѣнкахъ—выкурить папироску, перебросится нѣсколькими незначащими фразами съ товарищами или на извозчикѣ ѣхать скорѣе въ другое учебное заведеніе, гдѣ такъ же точно провести еще часа 2—3. Если же не удалось учителю заручиться мѣстомъ еще гдѣ-нибудь, то надо доставать частные уроки, хотя бы по другому предмету совсѣмъ. Наконецъ, часа въ 4 снимается форменный сюртукъ — учитель свободенъ; остается лишь просмотрѣть штукъ 30 тетрадей съ классными или домашними работами, выбрать и обдумать для какого-нибудь класса новыя работы на слѣдующій день, потомъ можетъ-быть, какое-нибудь совѣща-

піе, засѣданіе, нужно составить какую-нибудь вѣдомость, провѣрить свѣдѣнія и т. д. Спрашивается: какую же часть своего времени можетъ удѣлить учитель любящимъ его ученикамъ? Можетъ-быть, въ эти 55 минутъ, которыя онъ провелъ на урокѣ, онъ замѣтилъ у одного изъ своихъ любимыхъ учениковъ особое оживленіе во взглядѣ, видимое желаніе остановиться подольше на вопросѣ, поглубже вникнуть въ него. Какъ же учителю подойти къ нему, какъ вызвать на открытую, простую бесѣду? Въ классѣ? Нельзя, онъ здѣсь не для одного, а для сорока одного ученика. Позвать его къ себѣ или самому навѣстить его? На такое предложеніе учителя только улыбнутся. Во-первыхъ — гдѣ время? во-вторыхъ — усталость что-нибудь да значитъ; въ-третьихъ — такая близость противорѣчитъ педагогическимъ пріемамъ, установленнымъ временемъ. Вѣдь, за такія попытки къ сближенію непремѣнно надо ожидать сначала косыхъ взглядовъ со стороны тѣхъ, кто ихъ не хочетъ дѣлать, а потомъ, быть можетъ, и болѣе опредѣленное приглашеніе не нарушать обычнаго хода дѣлъ, если желаешь быть членомъ дружной семьи педагогическаго персонала. И я думаю, не мало такихъ недружныхъ членовъ сидятъ въ далекой глуши, въ какихъ-нибудь царевококшайскихъ прогимназіяхъ,— въ столицахъ, на виду, должна быть лишь дружная работа.

Очевидно, что учитель поставленъ въ физически невозможныя условія для болѣе тѣснаго общенія съ учениками; онъ не можетъ войти въ жизнь каждаго изъ тѣхъ 120 человѣкъ, которыхъ онъ видитъ группами по 30—40 душъ на 55 минутъ ежедневно. Но если учителя лишены возможности оказывать вліяніе на учащуюся массу, то

спросимъ себя: откуда же масса эта черпаетъ весь тотъ матеріалъ, котораго настойчиво требуетъ развивающаяся личность. Первый и самый близкій каждому міръ, гдѣ образуются всѣ начальныя понятія о жизни, конечно,— семья. Исполняетъ ли семья свое назначеніе въ нашемъ обществѣ, дѣйствительно ли она „малая церковь“ для лицъ, ее составляющихъ, — этого вопроса мы затрогивать не будемъ въ виду особой сложности его; скажу только, что семья — это такое же наболѣвшее мѣсто въ нашей общественной жизни, какъ и школа. Счастье тому, кто въ раннемъ дѣтствѣ чувствовалъ тепло роднаго угла; это тепло поможетъ взойти тѣмъ добрымъ сѣменамъ, которыя заложены въ дѣтской душѣ, и однимъ воспоминаніемъ даже охранитъ на всю жизнь отъ большого зла. Въ школу поступаютъ дѣти и изъ хорошихъ семей и изъ плохихъ, и наконецъ, — совсѣмъ не знавшія семьи. Значитъ, чтобы исполнить свой долгъ, т.-е. образовать человѣка, христіанина и гражданина, школа не можетъ одинаково шаблонно отнестись къ каждому вступающему въ сферу ея вліянія. Въ однихъ она должна поддержать добрые задатки и тѣмъ оправдать довѣріе семьи, въ другихъ — выдержать борьбу съ привитыми дурными понятіями, выдергать плевелы и насадить пшеницу и, наконецъ, третьимъ — помочь разобраться въ себѣ, помочь отдѣлить свѣтъ отъ тьмы, добро отъ зла. Чѣмъ успѣшнѣе справляется школа со своей сложной работой, понимая свою великую задачу, тѣмъ выше она, тѣмъ ближе къ идеалу, тѣмъ дороже должна она быть государству и обществу. Наша средняя школа, оставляя весь внутренній міръ дѣтей на произволъ судьбы, дѣлаетъ страшное зло, которое нельзя исправить никакими облег-

ченіями въ программахъ, улучшеніями методовъ преподаванія.

Поднялся вопросъ въ послѣднее десятилѣтіе о физическомъ переутомленіи учащихся; введена была военная и простая гимнастика, прогулки учениковъ, ведется врачебная статистика, наблюдающая за физическимъ развитіемъ; неужели же не время, наконецъ, поставить вопросъ о духовномъ недомоганіи школьнаго возраста, принять мѣры къ духовно-нравственному оздоровленію будущихъ членовъ общества? Нельзя же думать, чтобы люди, предоставленные въ самомъ шаткомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ чуткомъ возрастѣ собственнымъ силамъ, легко выберутъ добрую дорогу въ жизни; вѣдь, природа наша далеко не всегда направляетъ къ благимъ цѣлямъ и полагаться на нее, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно. Напротивъ, изъ ежедневнаго опыта мы видимъ, что нравственно-воспитанному человѣку на каждомъ шагу приходится сдерживать, обуздывать свою натуру, быть почти въ постоянной борьбѣ съ низменными ослѣпляющими влеченіями ея, и это для насъ, взрослыхъ, съ окрѣпшими силами, опытомъ пріученныхъ смотрѣть прямо въ лицо жизни! Чего же можно ожидать отъ неокрѣпшаго ума, отъ слабой воли? Мы сами часто не знаемъ, какіе страшные пороки, какія нравственныя язвы прививаемъ мы тысячамъ нашихъ дѣтей своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ ихъ внутренней жизни.

Въ настоящее время положеніе учащихся въ средней школѣ таково, что за помощью для своего внутренняго развитія они должны обращаться къ случайнымъ условіямъ; будутъ эти случайныя обстоятельства благопріятны — понимающая свое значеніе семья, хорошій кругъ то-

варищей, вліяніе отдѣльныхъ свѣтлыхъ личностей, — выйдетъ хорошій, нравственный, отзывчивый человѣкъ; не встрѣтятся эти случайныя обстоятельства,— школа выпуститъ съ аттестатомъ зрѣлости сухого, бездушнаго эгоиста или легкомысленнаго, пустого прожигателя жизни.

Скажемъ теперь нѣсколько объ отношеніяхъ, въ которыхъ стоятъ родители къ школѣ. Школа продолжаетъ работу, начатую надъ ребенкомъ семьей, и, конечно, для успѣха дѣла по возможности совмѣстно; отдавая школѣ своего ребенка, семья тѣмъ самымъ выказываетъ свое довѣріе къ ней, особенно, если при этомъ приходится цѣлыми годами переносить разлуку, одинаково тягостную для обѣихъ сторонъ. Если же спросимъ теперь эти семьи, оправдала ли школа ихъ довѣріе, вернула ли дѣтей дѣйствительно болѣе развитыми, цѣльными натурами, искоренила ли то, съ чѣмъ долго боролась семья, развила ли то, что съ такимъ трудомъ прививала она къ душѣ ребенка, — многіе ли отвѣтятъ намъ: „Да, это было такъ“? Наоборотъ, отовсюду слышны намъ горькіе упреки, грустныя рѣчи о томъ, какъ семья не узнаетъ своихъ прежнихъ питомцевъ, принесшихъ съ собою вмѣсто яснаго, сознательнаго взгляда на жизнь какую-то распущенность и разпузданность моральную и умственную. Но есть аттестатъ — и начинается жизнь такихъ людей; почему они *такъ* живутъ, а не иначе какъ-нибудь, зачѣмъ вообще они живутъ? — спросите ихъ, и они лишь съ удивленіемъ посмотрятъ на васъ. „Такъ живется, вотъ и все“. Гдѣ же въ нихъ *сознаніе* жизни, ясное чувствованіе общаго направленія своего жизненнаго пути? Нѣтъ его, да и взять было негдѣ.

Но если дѣти живутъ въ семьѣ и ходятъ въ гимназію,

то, кажется, въ такомъ случаѣ все можетъ быть благополучно: семья беретъ на себя воспитательную роль, гимназія сообщаетъ знанія для жизни. Это и бываетъ съ грѣхомъ пополамъ въ тѣхъ семьяхъ, которыя сумѣютъ поддержать компромиссъ со школой. Но это бываетъ крайне рѣдко, да и трудно это, потому что все-таки школа вліяетъ и на характеръ ученика, и этого вліянія нельзя отдѣлить совершенно отъ обученія, это слито неразрывно; въ томъ-то и бѣда, что вліяніе это часто, очень часто дурное, именно потому, можетъ-быть, что оно безсознательное, побочное, не уловимое параграфами явленіе. Ученикъ видитъ явную для него несправедливость учителя; вѣдь, онъ никогда не услышитъ, что этотъ поступокъ можетъ быть объясненъ вотъ такъ, вотъ какія причины были въ основѣ и т. д. Фактъ остается налицо, и ученикъ начинаетъ сознавать, что мало надѣяться на свою правоту, а надо еще нѣкоторыя свойства, и эти свойства мало-по-малу пріобрѣтаются. И это прямо отъ недостатка сознательности въ жизни школы; не всякая семья въ силахъ бороться съ этими явленіями. Наконецъ, школа совсѣмъ отнимаетъ ребенка у семьи, отдавая его ей лишь въ праздники и на время обѣда и вечерняго чая; остальное же время ученикъ долженъ или быть въ гимназіи, или готовить уроки для нея.

Обычное же отношеніе семьи въ этомъ случаѣ таково: подготовили мальчика въ первый классъ, опредѣлили въ гимназію, — теперь пусть самъ идетъ; скверно пойдетъ, — виноватъ, нужно его подтянуть; хорошо учится, — и слава Богу. Хорошія отмѣтки дѣйствуютъ на родителей какъ успокоительныя капли, и они были бы искренно удивлены предположенію, что ихъ сынъ, ко-

торый такъ хорошо учится, можетъ легко въ будущемъ стать вполнѣ безнравственнымъ человѣкомъ. Въ этомъ смыслѣ иные родители сознательно обманываются школой, иные безсознательно; но важно то, что такой обманъ или самообманъ существуетъ въ нашемъ обществѣ, и съ нимъ надо считаться. Что родители обыкновенно совершенно не знаютъ, чѣмъ живутъ ихъ дѣти въ школѣ, этого никто оспаривать не будетъ; болѣе заботливые, впрочемъ, первое время разспрашиваютъ дѣтей, когда тѣ возвращаются домой, о томъ, что было за день, но мало-по-малу вопросы и отвѣты становятся короче, стереотипнѣе и, наконецъ, совсѣмъ прекращаются; дѣти сами очень не любятъ этихъ разспросовъ, отчасти потому, что видятъ въ этомъ какой-то контроль надъ собой, а отчасти и потому, что начинаютъ сознавать, что школьная жизнь съ ея условіями и средой совершенно непонятна родителямъ; и это дѣйствительная правда. Школа отъ семьи отдѣлена крѣпкой стѣной; все, что дѣлается тамъ внутри, недоступно для взоровъ родителей. Ихъ, правда, допускаютъ съ учительскаго подъѣзда въ пріемную или кабинетъ директора, но лишь для выслушанія готовыхъ резолюцій по совершившимся фактамъ или благосклоннаго совѣта взять заблаговременно ученика изъ гимназіи во избѣжаніе неблагопріятныхъ послѣдствій. Большинство родителей за 8 лѣтъ ни разу не переступаютъ порога гимназіи, гдѣ учатся дѣти, да и надобности нѣтъ въ этомъ, правда, если не случается какого-нибудь крупнаго проступка, требующаго объясненія съ родителями. Этими объясненіями съ инспекторомъ и директоромъ ограничивается вся связь родителей съ гимназіей; съ учителями же сношенія, конечно,

еще рѣже. Изъ этого видно, что семья совершенно не знаетъ, кому именно вручаетъ она своего ребенка на всѣ 8 лѣтъ; она вполнѣ довѣряетъ школѣ. Такъ какъ довѣріе это оправдывается далеко не всегда, то можно еще подумать, таково ли должно быть это отношеніе родителей къ школѣ. Необходимо большее общеніе между семьей и школой.

Конечно, я разумѣю только семью въ лучшемъ смыслѣ слова, которая дѣйствительно хочетъ приложить свои силы къ общему дѣлу; отъ такой семьи школа въ лицѣ своихъ представителей, учителей, можетъ имѣть массу свѣдѣній о характерѣ, о всей духовной личности вступающаго ученика, можетъ слѣдить за измѣненіями къ лучшему или худшему, совмѣстно выяснить причины этого и сообразно съ этимъ регулировать свои отношенія къ ученику. Семья, въ свою очередь, отъ общенія со школой вынесетъ пониманіе школьнаго быта и этимъ предупредитъ неизбѣжное иначе удаленіе въ своей внутренней жизни школьника отъ семьи, а главное, можетъ имѣть больше довѣрія къ школѣ, зная тѣхъ лицъ, которымъ она передаетъ ребенка. Этимъ путемъ мало-по-малу въ школу проникнетъ и духъ семейственности; вся школа станетъ казаться мальчику лишь очень большой семьей, гдѣ всѣ члены живутъ общей жизнью и стремятся къ одной цѣли. Трудно достаточно выяснить все глубокое значеніе такого переворота въ школьной жизни — перемѣны казеннаго, казарменнаго, строго дисциплинированнаго строя школы на мягкій, близкій къ родному, серіозно-сознательный бытъ семьи. Только въ такой атмосферѣ можно образовать личность со всѣми ея особенностями; нельзя забывать, что какъ лица людей

непохожи другъ на друга, такъ точно и ихъ духовный образъ; подводя каждое человѣческое существо, данное ей въ руки, подъ шаблонъ средняго ученика, школа дѣлаетъ страшный вредъ, противоестественное насиліе,— все равно, какъ изобрѣсти научнымъ путемъ маску средняго лица человѣческаго и каждую физіономію путемъ насилія заставлять принимать такой видъ.

Вѣдь, теперь все чаще и чаще приходится слышать упреки школѣ за то, что она обезличиваетъ человѣка, что вмѣсто развитія губитъ всѣ особенныя наклонности, чѣмъ-либо не укладывающіяся въ типичный шаблонъ. Школу винятъ, что наше время не даетъ больше крупныхъ талантовъ, выдающихся дарованій, которыми не оскудѣвала Россія въ прежнее время. Нельзя назвать все это лишь поспѣшными сужденіями близорукихъ современниковъ; доля правды несомнѣнно есть здѣсь; доля вины въ нашемъ безлюдьѣ лежитъ на нашей школѣ. В. В. Розановъ въ своихъ статьяхъ „Сумерки просвѣщенія“ говоритъ, что если порыться въ біографіяхъ великихъ людей, то можно убѣдиться, что большая часть изъ нихъ была бы теперь выброшена за бортъ нашей школой, и еще трудно сказать, сумѣла ли бы добраться до берега въ бурномъ морѣ жизни; Пушкинъ былъ бы исключенъ за неуспѣшность по математикѣ, Шиллеръ — за дурное поведеніе (самовольно уѣхалъ въ другой городъ на театральное представленіе). Болѣе слабые примѣры, когда школой удалялись за неспособностью или по другимъ причинамъ, люди, ставшіе потомъ полезными дѣятелями на разныхъ поприщахъ культуры, извѣстны, вѣроятно, многимъ.

Я не буду входить въ разборъ той стороны жизни школы, которой принадлежитъ передача знаній, наиболѣе

подходящихъ къ нашей жизни; это дѣло слишкомъ спеціальное, требующее долголѣтняго опыта и наблюденій; скажу только, что настоящія программы гимназій не кажутся мнѣ такъ трудны и необъятно велики, какъ часто говорятъ; насколько цѣлесообразны предлагаемые предметы и ихъ распредѣленія, — это вопросъ иной; я хочу только сказать, что въ настоящемъ объемѣ гимназическія свѣдѣнія могутъ быть успѣшно сообщены и усвоены даже слабыми личностями безъ особеннаго труда, а такъ называемое переутомленіе происходитъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ, а вовсе не отъ трудности программы. Эти причины коренятся въ пріемахъ преподавательской практики, въ рутинѣ самой техники преподаванія и являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ общаго духа школы.

Оставляя въ сторонѣ, слѣдовательно, вопросъ о предметахъ, методахъ и продолжительности обученія, какъ несущественный, по моему мнѣнію, въ отношеніи къ коренному преобразованію всего школьнаго быта, всего жизненнаго уклада школы, я вкратцѣ резюмирую всѣ указанныя выше темныя стороны въ положеніи современнаго средняго образованія.

Школа не достигаетъ истиннаго своего назначенія — давать родинѣ въ лицѣ своихъ питомцевъ людей христіанскаго духа, привязанныхъ къ своему отечеству. Происходитъ это отъ полнаго отсутствія воспитательнаго значенія школы, которое въ сущности должно преобладать надъ образовательнымъ уже по той причинѣ, что люди умственно ограниченные могутъ быть хорошими христіанами и добрыми членами общества. Положеніе учителей, обязанныхъ имѣть дѣло съ массою

учениковъ, не позволяетъ имъ имѣть воспитательнаго вліянія въ школѣ, ученики предоставляются самимъ себѣ, и наконецъ, семья совершенно удалена отъ школьнаго дѣла.

III.

Положительные идеалы школы.

При отсутствіи въ школѣ воспитательныхъ средствъ достигнуть успѣшнаго результата въ дѣлѣ обученія нѣсколькихъ сотъ человѣкъ становится возможнымъ лишь при дисциплинѣ, основанной на страхѣ и корысти. Въ самомъ дѣлѣ, вникнемъ, какой ближайшій стимулъ заставляетъ учениковъ успѣшно заниматься въ школѣ; въ рѣдкихъ случаяхъ — любовь къ семьѣ и въ исключительныхъ — любовь къ самому дѣлу, интересъ къ самому предмету преподаванія; вообще же масса руководствуется или страхомъ дурныхъ отмѣтокъ, наказанія, оставленія на другой годъ и т. д., или же — худшая часть — желаніемъ выдвинуться, заслужиться у учителей и начальства и извлечь изъ этого соотвѣтственныя выгоды. Теперь, правда, въ послѣднее время является новое побужденіе — сократить учебное время, избавившись отъ переходныхъ экзаменовъ. Во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни сознательнаго отношенія къ дѣлу, общаго пониманія смысла всего обученія.

Признавая старую систему отношеній лишенною всякаго воспитательнаго значенія и даже прямо развращающе дѣйствующей на молодое поколѣніе, мы должны замѣнить ее новой. А эта новая система ясно вытекаетъ и изъ самой природы, и изъ данныхъ педагогическаго опыта, а главное — изъ самой христіанской культуры

нашей. Истинно христіанское воспитаніе дѣтей не можетъ имѣть въ основѣ своей ничего другого, какъ любовь къ нимъ.

Необходимо на мѣсто установившейся теперь въ школахъ системы страха и корысти поставить всѣ отношенія на основу любви.

Много зла теперь въ жизни оттого, что человѣчество какъ-то теряетъ истинное пониманіе любви. Большинство начинаетъ видѣть въ ней какое-то сентиментальное чувство, совершенно не приложимое къ жизни. Конечно, все это лежитъ въ прямой связи съ нашимъ постепеннымъ удаленіемъ отъ истиннаго пониманія христіанства; все болѣе и болѣе въ мысляхъ, въ чувствахъ, въ жизни самой мы перестаемъ быть христіанами, перестаемъ сознавать и понимать духъ христіанства. Оправдывая себя, мы, конечно, слагаемъ вину на само христіанство. „Христосъ не зналъ такой сложной жизни, какъ наша, иначе Онъ не то проповѣдовалъ бы“, „Христіанскія истины не приложимы къ жизни“ — кому не случалось слышать такихъ рѣчей? Я уже не говорю о тѣхъ нелѣпыхъ мнѣніяхъ, будто бы наука стоитъ въ противорѣчіи съ христіанствомъ — такъ говорить могутъ только люди, лишь поверхностно знакомые съ наукою, никогда не доходившіе до глубины истиннаго знанія. Такъ какъ христіанство требуетъ, чтобы вся жизнь наша, всѣ отношенія взаимныя были основаны на любви, то современный скептицизмъ прежде всего долженъ былъ подорвать довѣріе къ этой основѣ, оклеветать и извратить самое понятіе о любви. Теперь большинство подъ христіанскою любовью разумѣетъ что-то разслабляющее, пассивное, способное только къ терпѣнію, страданію,

и вполнѣ естественно заключаетъ, что на такомъ принципѣ нельзя основывать жизни. Неизвѣстно почему, совершенно утрачивается пониманіе жизненной, дѣятельной любви, — любви, созидающей добро въ жизни, любви, торжествующей свою побѣду надъ зломъ. Вотъ эта любовь, сознательно направляющая всѣ силы свои къ достиженію намѣченной цѣли, можетъ и должна быть основою жизни. Моя любовь ставитъ мнѣ цѣль жизни; я вѣрю въ благость, въ святость своей жизненной задачи, потому что она дана мнѣ живой любовью; всѣми силами даннаго мнѣ разума отыскиваю болѣе близкіе, болѣе успѣшные пути и средства къ достиженію этой цѣли — въ этомъ смыслъ моей жизненной дѣятельности; сознательно вступаю въ борьбу со всѣми проявленіями зла и въ себѣ самомъ и вовнѣ, — и опять лишь въ вѣрѣ въ конечную побѣду любви нахожу и смыслъ и цѣль этой борьбы. Вотъ въ чемъ ясно великое жизненное значеніе христіанской любви, какъ должно оно быть ясно для сознательнаго христіанина.

Мало христіанъ въ наше время, но и въ числѣ тѣхъ немногихъ, которые хотѣли бы быть христіанами, такъ мало любви взаимной, что часто вмѣсто общаго дѣла, въ основѣ своей имѣющаго принципъ проведенія любви въ жизнь, они готовы проводить время въ совершенно схоластическихъ спорахъ о томъ, что̀ важнѣе въ жизни — любовь или вѣра, такъ ли правовѣрно вѣруетъ другой въ Бога, какъ они, и т. д. Какъ будто Богъ есть существо, ясно опредѣлимое нашимъ слабымъ разумомъ, какъ будто можно *научить* истинной вѣрѣ. Вѣра — Божій даръ; разумомъ нашимъ мы можемъ постигнуть лишь внутренній смыслъ того, что скрыто отъ насъ

въ окружающей жизни, можемъ уяснить себѣ всю стройность и законченность христіанскаго міровоззрѣнія, но никогда разумомъ до вѣры мы не дойдемъ, вѣры не создадимъ и не прибавимъ, не убавимъ ея никакими ученіями. Лишь въ особыя минуты нашего духовнаго просвѣтлѣнія дается намъ вѣра, на всю жизнь укрѣпляющая наши силы, и это есть дѣйствіе благодати Божіей, совершаемое путями, недоступными нашему пониманію. Люди, много страдавшіе за себя и за другихъ, много жившіе въ своей душѣ, не разъ чувствовали эту чудную помощь Божію, они понимаютъ, что эти минуты есть лишь краткое чувствованіе нами, нашей просвѣтленной душой той великой любви нашего Творца къ намъ, Его созданіямъ, которая разлита во всемъ мірѣ, дѣйствуетъ во всемъ, но которой обыкновенно мы не можемъ воспринимать своимъ огрубѣлымъ существомъ. Законъ Бога — законъ любви. Мы должны лишь исполнять этотъ законъ въ жизни своей, каждый по мѣрѣ вѣры и силъ, данныхъ ему. „Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть *любовь* между собою“. Потому сказалъ Господь „*любовь имѣть*“, а не *вѣру*, что любовь есть главное дѣйственное начало жизни, черезъ любовь мы возрастаемъ въ вѣру. Любовь выражается во всѣхъ дѣлахъ нашихъ, она ясна, *на виду*, такъ сказать, она сразу освѣщаетъ всего человѣка; вѣра же есть „сокровенное сердца нашего помышленіе“, это — святая святыхъ души человѣческой, она видна и открыта лишь Богу одному; человѣкъ же не знаетъ и не можетъ судить другого, какъ онъ вѣруетъ — право или неправо, много или немного. Поэтому, если кто-нибудь, прежде чѣмъ взяться за общее дѣло, го-

ворить другому: „Вотъ я посмотрю раньше, какъ ты вѣруешь, и тогда лишь пойду съ тобой“ — то онъ стоитъ на ложномъ пути, чужой вѣры онъ никогда не увидитъ; пусть смотритъ онъ, что дѣлаетъ человѣкъ, и если тамъ любовь, то это дѣло Божіе, и онъ можетъ положить въ него свои силы. Да и кто можетъ, кто смѣетъ сказать себѣ: „Вотъ я право вѣрую“? Одно только можетъ сказать въ глубинѣ души своей человѣкъ: „Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію“.

Этотъ вопросъ о томъ, что важнѣе — любовь или вѣра, который такъ часто задаютъ, когда говоришь о проведеніи любви въ жизнь, совершенно схоластиченъ и похожъ на знаменитый споръ о вѣрѣ и дѣлахъ. Нѣтъ вѣры безъ любви, нѣтъ любви безъ вѣры; созидающій дѣла любви въ жизни — вѣритъ въ Бога-Любовь; вѣрующій въ Бога нашего не можетъ не жить по закону любви. Различать и отдѣлять вѣру отъ любви, какъ нѣчто разное, можно только не чувствуя въ себѣ ни того ни другого, лишь разсудочно раздѣляя два логическія понятія А и В.

Лишь только становится ясно сознанію, что въ жизни христіанина должно быть одно начало — любовь, тотчасъ является вопросъ: какъ согласовать свою жизненную дѣятельность съ этой основой? Здѣсь умъ долженъ приложить всѣ свои силы, чтобы, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства жизни, всѣ условія существованія, создать форму дѣятельности, благіе пути къ достиженію благой цѣли. Если мы сознаемъ, что современное положеніе средней школы не достигаетъ желаемой цѣли — научить людей христіанскому пониманію жизни, то мы должны создать новыя формы, указать новые пути, ко-

торые были бы болѣе цѣлесообразны. Если мы хотимъ воспитать людей для жизни по любви и для любви — ибо такова должна быть жизнь христіанина, то мы можемъ этого достигнуть только путемъ любви, т.-е. все дѣло воспитанія и образованія поставить на основу любви.

Разобравъ отрицательныя стороны въ жизни нашей школы, посмотримъ теперь, что хотѣлось бы видѣть вмѣсто этого, укажемъ, что сдѣлано уже въ этомъ направленіи и что возможно сдѣлать еще.

Если мы вглядимся пристальнѣе въ условія, при которыхъ исчезаетъ воспитательное значеніе школы, то увидимъ, что постояннымъ отрицательнымъ членомъ въ этихъ условіяхъ будетъ многолюдство учениковъ. Когда учителю, хотя бы и опытному, даровитому педагогу, приходится имѣть дѣло болѣе чѣмъ съ сотней учениковъ, онъ во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе теряетъ свое воспитательное значеніе; это несомнѣнно; поэтому однимъ изъ первыхъ требованій воспитательно-образовательной школы является ограниченность числа воспитанниковъ, приходящихся на долю каждаго учителя-воспитателя. Но увеличивать число уроковъ заставляетъ учителя нужда, трудность существованія, малый окладъ жалованья; всѣ эти обстоятельства могутъ лучшихъ идеалистовъ обратить въ сухихъ практиковъ-ремесленниковъ. Большинству становится ясно, что стоитъ лишь увеличить значительно содержаніе учителя, и все будетъ исправлено; но мнѣ кажется, что это слишкомъ близорукое сужденіе, совершенно соотвѣтствующее духу нашего времени. Теперь вѣдь сплошь и рядомъ приходится слышать при жалобахъ на наше безлюдье: „Дайте больше денегъ, создайте

лучшія условія жизни, и люди станутъ лучше". Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого сужденія; точно человѣкъ лучше становится оттого, что вокругъ него все лучше стало, чище, богаче, — не вокругъ, а внутри его должно стать лучше и чище, а этого нельзя достичь никакими обезпеченіями. Развѣ не видимъ мы, наоборотъ, какъ безнравственны и развратны бываютъ люди именно обезпеченныхъ классовъ? На это возражаютъ, что они только не умѣютъ пользоваться своимъ обезпеченіемъ; въ томъ-то и бѣда, что всѣ мы можемъ и знаемъ, какъ употребить деньги на добро, только тогда, когда ихъ у насъ нѣтъ или очень мало. Я думаю даже, что если теперь составъ нашихъ учащихъ заставляетъ желать собой много лучшаго, то въ случаѣ хорошей обезпеченности профессіи учителя нравственный уровень понизится въ значительной степени. Ясно, что къ болѣе хлѣбнымъ, болѣе выгоднымъ мѣстамъ привлекаются прежде всѣхъ другихъ дурные элементы. Правда, если обратиться къ примѣрамъ другихъ государствъ, напр. Германіи, то является какъ бы опроверженіе: тамъ учитель простой городской школы (Bürgerschule) въ крошечномъ городкѣ съ 1500 жителей получаетъ 2000—3000 марокъ въ годъ, — содержаніе, отъ котораго не отказался бы нашъ столичный учитель средней школы; вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу не вспомнить изъ личныхъ моихъ наблюденій, какимъ громаднымъ вліяніемъ и уваженіемъ пользуется такой учитель въ своемъ городкѣ; безъ преувеличенія, онъ первое лицо, онъ представитель его, помимо всякаго бургомистра, помимо даже пастора. И онъ вполнѣ заслужилъ это уваженіе, потому что германская школа выпускаетъ дѣйствительно патріотовъ своего отечества, —

это достоинство за ней признано. Но въ этомъ еще половина дѣла, потому что истинная школа должна прежде всего создать сознательнаго христіанина; въ этомъ и лежитъ ключъ къ созданію лучшей жизни.

Если бы мы хотѣли стремиться къ созданію той жизни, которую видимъ теперь въ Германіи, то могли бы пользоваться для школы ея рецептами, но стремясь къ лучшей и притомъ самобытной жизни, мы должны разъ навсегда оставить всѣ переводы съ нѣмецкаго, а итти по новому пути, болѣе соотвѣтствующему русскому быту. Идя по такому пути, мы *знаемъ,* что достигнемъ своего, родного, и *вѣримъ,* что это будетъ лучшая, свѣтлая жизнь; идя же по нѣмецкому пути, мы ни во что *не вѣримъ,* а лишь *знаемъ,* что можемъ достичь той жизни, которая лишь снаружи кажетъ лучше нашей, а въ основѣ, въ духѣ, быть можетъ, много хуже, а главное — совсѣмъ чужая. Если мы увеличимъ до полной обезпеченности содержаніе учителя, то мы пойдемъ германскимъ путемъ; это сдѣлать легко, были бы только средства; кромѣ благодарности такая мѣра ничего не вызоветъ въ обществѣ, и она давно уже ожидается къ тому же. Но вопросъ въ томъ, достигнетъ ли это цѣли. Пройдетъ полтора десятка лѣтъ, жизнь станетъ еще дороже, положеніе учителей станетъ опять тяжелымъ, придется снова обезпечивать его и т. д. Къ этому присоединится непремѣнное увеличеніе дурного элемента въ педагогической средѣ. Слѣдовательно, нужно самобытно создать такой строй учительства, по крайней мѣрѣ среди лучшихъ учителей-идеалистовъ, который давалъ бы большее обезпеченіе, даже при современномъ вознагражденіи, въ смыслѣ устраненія отъ личности заботы о завтрашнемъ днѣ какъ

для себя, такъ и для семьи, и въ то же время способенъ былъ бы противодѣйствовать разлагающему вліянію эгоистическихъ практиковъ и кулаковъ жизни. Такой строй есть, и онъ самобытенъ, потому что вытекаетъ изъ самосознанія народа русскаго. Къ вопросу этому я возвращусь въ послѣднемъ отдѣлѣ, гдѣ буду говорить о мѣрахъ, способствующихъ въ наше время къ достиженію положительныхъ идеаловъ школьной жизни.

Едва лишь учитель получитъ возможность имѣть дѣло съ опредѣленнымъ ограниченнымъ количествомъ учениковъ, онъ можетъ больше времени отдавать имъ, глубже войти въ ихъ жизнь, вступить, наконецъ, съ ними въ истинно воспитательное общеніе на основѣ любви. Этимъ путемъ и только этимъ поднимается воспитательное значеніе школы. Жить общею жизнью съ воспитанниками не значитъ, что нужно неотлучно находиться при нихъ, не значитъ, что учитель долженъ обратиться въ дядьку; напротивъ, педагогически важно въ видахъ сохраненія индивидуальности предоставлять дѣтей больше самимъ себѣ; очень ложный и вредный способъ, практикуемый нѣкоторыми воспитателями, постоянно „занимать“ дѣтей; этимъ только искореняется всякое сосредоточенное, вдумчивое отношеніе къ дѣлу, исключается пониманіе серіозности жизни. Важно и нужно въ истинномъ воспитаніи, чтобы ребенокъ зналъ, что онъ можетъ каждую минуту найти помощь и любовное отношеніе къ себѣ, къ своимъ мыслямъ и чувствамъ у своего воспитателя, чтобы онъ не колебался и не боялся быть вполнѣ откровеннымъ съ другомъ-учителемъ, будучи вполнѣ увѣренъ въ его расположеніи и сочувствіи къ себѣ. Вся дисциплина любви и состоитъ въ томъ, чтобы

учитель своимъ теплымъ чувствомъ къ ученику пробудилъ въ томъ отвѣтное чувство и тогда уже, при свѣтѣ этой взаимной любви, освѣщалъ сознательно въ душѣ ребенка каждый шагъ его жизни. Главное — сознательно: этого почти никогда не достигается при современной дисциплинѣ страха, ожиданія награды или наказанія. Пробудить сознательное отношеніе къ жизни — какъ много это значитъ и какъ мало понимается это еще. Все такъ называемое невѣріе, всякій ложный либерализмъ нашей молодежи, вѣдь, все это прямое произведеніе безсознательнаго отношенія къ жизни, къ фактамъ исторіи, къ себѣ самому, наконецъ. Недавняя эпоха была гребнемъ этой волны безсознательности; теперь, все-таки, движеніе это какъ будто идетъ подъ уклонъ, и дѣло нашего времени — принять мѣры, чтобы новая волна была исполнена истиннаго пониманія жизни, какъ общемірової, такъ и отдѣльной, личной.

Особенно важно обратить вниманіе на отношенія учениковъ между собой; отъ этого, вѣдь, зависятъ въ будущемъ взаимныя отношенія членовъ общества. И здѣсь только любовь должна лежать въ основѣ; эти взаимныя отношенія будутъ лучшимъ пробнымъ камнемъ духовнаго развитія ученика; постепенно, шагъ за шагомъ, онъ можетъ притти къ сознательному воспріятію значенія любви въ общей жизни школы, а отсюда, лишь расширивъ рамки, и въ жизни общества. Согласно новому взгляду на общую жизнь по любви и для любви придется и въ школьную жизнь учениковъ ввести новыя формы. Эти новыя формы состоятъ въ устройствѣ среди учащихся братскихъ союзовъ.

Въ ребенкѣ пробуждается сознаніе, что далеко не все

въ немъ хорошо (дѣло воспитателя сознательно навести его на эту мысль) и что ему нужно работать надъ собой, чтобы стать лучше и оправдать любовь къ нему близкихъ людей; въ это время ему нужна твердая поддержка, строгій контроль надъ малѣйшими даже подробностями повседневной жизни; это уже почти не подъ силу учителю, и на помощь ему являются лучшіе въ воспитательномъ отношеніи ученики. Образовавъ изъ себя союзъ добраго нравственнаго воздѣйствія, они даютъ обѣщаніе съ любовью отнестись къ поведенію своихъ товарищей, съ любовью и сознательно замѣтить всякій проступокъ и со своей стороны принять съ любовью сдѣланное товарищами замѣчаніе. Вотъ такіе уже крѣпкіе въ основѣ своей нравственной личности ученики помогаютъ учителю въ воспитательномъ вліяніи на другихъ, болѣе слабыхъ; имѣя возможность чаще и ближе соприкасаться съ ними, они естественно могутъ достигнуть и болѣе успѣшныхъ результатовъ. Такіе братскіе союзы, образованные въ учебныхъ заведеніяхъ, могутъ имѣть громадное воспитательное значеніе при умѣломъ руководствѣ ими. Мнѣ могутъ возразить, что я слишкомъ уже идеализирую дѣтей, что на дѣлѣ бываетъ далеко не такъ гладко. На это я отвѣчу, что, конечно, дѣти бываютъ и хорошія, и дурныя, и даже очень испорченныя, но я думаю, что если изъ дурного ребенка даже путемъ любви нельзя сдѣлать хорошаго, то его и ничѣмъ другимъ нельзя сдѣлать хорошимъ; такіе ученики, но лишь вполнѣ безнадежные, — зло для истинно-христіанской школы и не могутъ быть въ ней терпимы для общаго блага; имъ можетъ быть мѣсто или въ исправительныхъ заведеніяхъ, или въ школахъ съ иными

Госуд. ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

основами. Относительно же полной жизнеспособности описанной выше организаціи говоритъ уже то, что взята она мной изъ настоящей жизни въ томъ видѣ, какъ она существуетъ уже много лѣтъ въ школѣ Н. Н. Неплюева, о которой я подробнѣе скажу нѣсколько ниже.

Въ отношеніяхъ семьи и школы можетъ быть два случая. Семья лишена возможности имѣть общеніе со школой и ея руководителями; это можетъ быть въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ (мѣстожительство), или сама школа можетъ находить условія семейной жизни ученика слишкомъ вредными нравственно. Въ такомъ случаѣ школа должна имѣть полную свободу дѣйствій, гарантированную тѣмъ довѣріемъ, съ которымъ родители избираютъ именно ее для воспитанія своихъ дѣтей. Школа при этомъ беретъ на себя лишь обязательство употребить всѣ свои силы, чтобы воспитать ученика согласно своимъ цѣлямъ, будетъ это или не будетъ соотвѣтствовать взглядамъ и направленію, которое господствуетъ въ его семьѣ. Второй случай, если семья вполнѣ солидарна въ основѣ своей съ задачами школы и внѣшнія условія не препятствуютъ школѣ имѣть общеніе съ семьей. Тогда необходима совмѣстная работа, необходима тѣсная связь на почвѣ общаго дѣла, и ученикъ является этимъ соединительнымъ звеномъ. Школа и семья оказываютъ другъ на друга взаимное вліяніе; школа вводитъ семью въ школьный бытъ, знакомитъ со взглядами и принципами, лежащими въ основѣ всего дѣла, путемъ бесѣдъ и непосредственнымъ личнымъ знакомствомъ; такимъ способомъ нравственно-просвѣтительное вліяніе школы значительно расширяется, охватывая собою всѣхъ членовъ семьи. Съ другой стороны, семья вно-

сить въ школьный бытъ отпечатокъ семейственности, что значительно облегчаетъ для ученика переходъ въ новый бытъ; онъ гораздо быстрѣе осваивается, встрѣчая на первыхъ же порахъ знакомыя черты. Затѣмъ, будучи непосредственно освѣдомлена лично отъ самихъ воспитателей объ измѣненіяхъ, происходящихъ въ душевномъ складѣ ребенка, семья можетъ своими средствами сознательно помогать или противодѣйствовать этимъ измѣненіямъ. Наконецъ, этими отношеніями съ семьей школа можетъ играть громадную роль въ общественной жизни, сама являясь соединительнымъ началомъ среди разрозненныхъ единицъ — семей нашего общества. Привлекая къ себѣ естественно лишь лицъ, сочувствующихъ ея взглядамъ и задачамъ, такая школа собираетъ около себя, аккумулируетъ однородные элементы, въ одиночку разсѣянные среди общества; создается живая, органическая связь между отдѣльными единицами, и кто знаетъ, не послужитъ ли такая связь началомъ созданія цѣлаго, живого, объединеннаго однимъ духомъ любви, общества, на мѣстѣ современной розни и хаоса, лжи и борьбы.

Указавъ на положительные идеалы нашей школы въ вопросѣ воспитанія, я повторяю еще разъ, что образовательной стороны дѣла, выбора предметовъ преподаванія, ихъ объема, распредѣленія и т. д. я не могу касаться здѣсь, отчасти потому, что не считаю себя подготовленнымъ къ этимъ вопросамъ, а главное, — потому что ихъ считаю второстепенными; какъ бы ни были они рѣшены свѣдущими людьми, реформа школы должна быть въ измѣненіи внутренняго духа школы, самаго сердца ея, а не внѣшней оболочки; если не будетъ этого, то не будетъ и реформы.

IV.

Два опыта реформы школьнаго воспитанія.

Въ книжкѣ, изданной въ 1898 году подъ заглавіемъ „Новая школа“ [1]) и содержащей нѣсколько статей Демолена, относящихся къ сравнительному сопоставленію французской и англійской постановки школьнаго дѣла, можно найти нѣкоторыя подтвержденія высказанному выше. Правда, книжка эта главнымъ образомъ посвящена разсмотрѣнію образовательной стороны школы и мѣрамъ физическаго развитія учениковъ, но нѣкоторыя мѣста посвящены и желательнымъ измѣненіямъ въ духѣ воспитанія. Я позволю себѣ привести въ отрывкахъ нѣсколько мѣстъ, касающихся этого именно вопроса. Какъ образецъ авторъ беретъ англійскую школу д-ра Редди, основанную въ 1889 г. въ Аббатсгольмѣ, въ Дербишпирѣ, и другую, устроенную по тому же типу м-ромъ Бадни, которая находится въ Суссексѣ, въ Бедэльсѣ.

„Обѣ школы не похожи на наши большія школьныя зданія, холодныя и голыя: это — англійскіе коттэджи. Онѣ воспроизводятъ обликъ дома отеческаго, а не казармы или тюрьмы. Впечатлѣніе это поддерживается, когда проникаешь внутрь зданія. Вотъ столовая Бедэльской школы. Это — комната совершенно семейная.

„Впечатлѣніе это еще оживится, если прибавлю, что преподаватели и директоръ школы, жена его и дочери

---

[1]) „Новая школа“, изд. К. П. Побѣдоносцева. Москва 1898 г.

садятся за столъ съ воспитанниками. Это — жизнь семейная: ребенокъ не оторванъ насильственно отъ жизни естественной, онъ не перенесенъ въ особый, совершенно искусственный міръ; онъ только перешелъ изъ одного *home* въ другой, носящій на себѣ тотъ же обликъ. Такъ и гласитъ программа: эта школа есть *home,* а не просто мѣсто обученія“ (стр. 35).

„Тутъ число воспитанниковъ ограничено: въ настоящее время оно не превышаетъ пятидесяти и никогда не превыситъ ста по заявленію д-ра Редди, вполнѣ сознающаго, что *при большемъ числѣ воспитанниковъ всякое воспитаніе становится невозможнымъ*“ (стр. 52).

„Между учителями и воспитанниками господствуетъ большая искренность. Одинъ изъ преподавателей провелъ у насъ[1]) рождественскіе праздники, и мы были поражены братскими отношеніями между нимъ и нашими мальчиками. Всѣ воспитанники привязаны къ своимъ учителямъ... Тутъ полный просторъ для развитія личности“ (стр. 32).

„Искренность и довѣріе учениковъ относительно учителей въ высшей степени замѣчательны. Послѣдніе разгуливаютъ среди учениковъ, обращаясь съ ними какъ старшіе братья, а не какъ лица отдѣльной отъ нихъ касты“ (стр. 46).

„Наши лучшіе помощники, — говорилъ мнѣ директоръ Бедэльской школы, — старшіе воспитанники; безъ ихъ содѣйствія намъ было бы трудно, пожалуй — невозможно, дѣлать наше дѣло“. Тутъ онъ объяснилъ мнѣ, что каждый почти вечеръ призываетъ къ себѣ въ каби-

[1]) Письмо одного изъ родителей о той же школѣ.

нетъ, наединѣ, одного изъ этихъ воспитанниковъ и старается внушить ему эту мысль, что старшіе гораздо больше, чѣмъ начальникъ, могутъ имѣть вліяніе на добрый порядокъ въ школѣ и что онъ на нихъ полагается въ надзорѣ за тѣмъ или другимъ предметомъ“ (стр. 79).

„Думаю, что нѣтъ способа болѣе дѣйствительнаго для образованія людей. Для этой цѣли наставники дѣйствуютъ на воспитанниковъ постояннымъ общеніемъ съ ними. Для этой цѣли старшіе воспитанники дѣйствуютъ на младшихъ, пользуясь авторитетомъ, которымъ ихъ облекаютъ, и довѣріемъ, которое имъ оказываютъ“ (стр. 80).

Этихъ выдержекъ достаточно, чтобы получить общее понятіе о постановкѣ воспитанія въ новыхъ англійскихъ школахъ. Я не могу не сказать заранѣе, что при болѣе детальномъ вниканіи въ характеръ этого воспитанія, здѣсь все-таки чувствуется что-то холодное, сухое, чуждое. Но къ этому вопросу я вернусь позже, а теперь постараюсь познакомить съ постановкой дѣла воспитанія въ упомянутой выше школѣ Н. Н. Неплюева. Она является у насъ въ Россіи первымъ опытомъ разрѣшенія христіанскимъ и *чисто національнымъ*[1]) путемъ задачи воспитанія.

Предварительно я скажу два слова о личности основателя этой школы. Н. Н. Неплюевъ принадлежитъ къ родовой русской аристократіи; по окончаніи курса Петербургскаго университета онъ, уступая желанію своего отца, вступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ и нѣкоторое время состоялъ при императорскомъ посольствѣ въ Мюнхенѣ. Будучи сознательно вѣ-

[1]) Позже я постараюсь выяснить, что я понимаю подъ этимъ выраженіемъ.

рующимъ человѣкомъ и глубоко любящей натурой онъ на каждомъ шагу испытывалъ тяжелыя столкновенія съ окружающей жизнью. Результатомъ этой внутренней борьбы явилось то, что онъ окончательно оставилъ начатую имъ карьеру и рѣшилъ всѣ средства свои и дарованія употребить на устройство жизни, болѣе удовлетворяющей запросамъ сознательно вѣрующаго христіанина. Прежде всего нужно было воспитать людей въ привычкахъ думать, чувствовать и жить согласно ученію Христа; съ этой цѣлью Н. Н. Неплюевъ, въ 1881 г. поселившись въ своемъ имѣніи Воздвиженскѣ, въ Черниговской губерніи, взялъ на воспитаніе 10 человѣкъ крестьянскихъ дѣтей, изъ которыхъ образовалась маленькая начальная школа. Позже, чтобы пополнить свои знанія по естественнымъ наукамъ, Н. Н. Неплюевъ былъ нѣкоторое время вольнослушателемъ Петровской Академіи. Школа его съ теченіемъ времени все развивалась и, наконецъ, въ 1885 г. была преобразована въ низшую сельскохозяйственную, въ какомъ видѣ она существуетъ и до сихъ поръ.

Позже, въ 1891 г., была открыта *женская* сельскохозяйственная школа. Я буду говорить главнымъ образомъ о мужской школѣ, но все сказанное о ней прилагается mutatis mutandis и къ женской.

Первоначально вся воспитательная сторона дѣла лежала на самомъ основателѣ, который все обученіе оставилъ на руки приглашеннымъ учителямъ; но мало-по-малу въ этомъ произошли существенныя измѣненія. Все свое свободное время Н. Н. проводилъ съ воспитанниками въ непосредственномъ близкомъ общеніи; въ частыхъ бесѣдахъ своихъ старался пробудить живое пониманіе слова Божія и вытекающихъ изъ этого сознательныхъ

обязанностей христіанина. Объясняя дѣтямъ на одной изъ бесѣдъ евангельскій стихъ: „Кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ“ (Матѳ. 18, 5). Н. Н. сказалъ имъ, что если хотятъ они, то могутъ и къ своей жизни приложить эти слова Христа, пусть только съ любовью отнесутся къ слабѣйшимъ своимъ товарищамъ въ нравственномъ отношеніи и своимъ любовнымъ общеніемъ помогутъ имъ замѣтить и исправить свои недостатки. Прошло нѣсколько времени, и Н. Н. съ радостью замѣтилъ, что многіе изъ трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи учениковъ стали замѣтно лучше; оказалось, что старшіе дѣти послѣ той бесѣды согласились разобрать между собою этихъ младшихъ товарищей, чтобы по возможности вліять на нихъ въ добромъ направленіи; находясь въ постоянной и болѣе тѣсной связи съ своими товарищами, чѣмъ Н. Н., они и успѣли сдѣлать больше. Вотъ такимъ-то естественнымъ образомъ было положено начало правильной организаціи братскихъ кружковъ среди воспитанниковъ. Въ настоящее время существуетъ два братскихъ кружка — Старшій и Младшій. Первый состоитъ изъ учениковъ, уже вполнѣ сознательно усвоившихъ весь духъ христіанскаго воспитанія и готовыхъ съ любовію приложить свои силы къ общему дѣлу, а второй заключаетъ въ себѣ дѣтей, изъявившихъ уже свое доброе желаніе къ нравственному совершенствованію и работѣ надъ собой. Кружки эти имѣютъ свою отдѣльную организацію, общія и частныя собранія по вопросамъ школьной жизни. Въ дѣлѣ преподаванія произошла съ годами тоже значительная перемѣна: первоначально, какъ я уже упоминалъ, оно находилось въ рукахъ приглашенныхъ учителей; но очень

часто случалось такъ, что взгляды этихъ лицъ далеко не сходились со взглядами и убѣжденіями основателя школы; отъ такой розни, а иногда и явнаго противодѣйствія страдало сильно самое дѣло духовно-нравственнаго воспитанія. Наконецъ, въ 1888 году школѣ было Высочайше даровано право имѣть учителей изъ своихъ же бывшихъ воспитанниковъ, и этимъ былъ сдѣланъ крупный шагъ въ успѣшномъ веденіи дѣла.

Дѣятельность Н. П. не остановилась на этомъ. Научивъ своихъ воспитанниковъ христіанскому пониманію жизни, какъ основанной на любви и для любви, онъ счелъ своею обязанностью дать имъ возможность вести дѣйствительно ту жизнь любви, вѣры и труда, въ которой они воспитывались. Нѣкоторые изъ его самыхъ первыхъ воспитанниковъ, когда пришло время оканчивать школу, сказали ему, что такъ сжились и такъ любятъ его и другъ друга, что хотятъ не разставаться и продолжать общую жизнь. Этимъ путемъ возникло первое Трудовое Братство, для котораго Воздвиженская сельскохозяйственная школа служитъ истинною колыбелью. Уставъ Крестовоздвиженскаго Трудового Братства былъ утвержденъ въ 1894 году; въ томъ же году Братству были Высочайше дарованы права юридическаго лица. По уставу Братство находится подъ покровительствомъ преосвященнаго Черниговскаго и задается слѣдующими цѣлями: 1) заботиться о христіанскомъ воспитаніи дѣтей, пріучать ихъ думать, чувствовать и жить согласно ученію Христа Спасителя и уставамъ святой Церкви; 2) доставлять возможность желающимъ согласовать весь строй жизни съ животворящимъ духомъ вѣры, составляя одну трудовую семью на началахъ христіанской любви и

братства; 3) по возможности оказывать и за предѣлами Братства поддержку всему тому, что ведетъ къ упорядоченію жизни въ направленіи первыхъ двухъ цѣлей.

Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности выйти изъ рамокъ моего труда и сообщить большія подробности о жизни Трудового Братства и его дѣятельности желающихъ прошу обратиться къ сочиненіямъ самого Н. Н. Неплюева и къ тѣмъ сообщеніямъ, которыя появились въ нашей литературѣ объ этомъ отрадномъ явленіи русской жизни.

Въ настоящее время дѣло воспитанія дѣтей въ Братствѣ, составляющее по уставу первую цѣль его, поставлено такимъ образомъ. Въ вѣдѣніи Братства находятся слѣдующія учрежденія: пріютъ для малолѣтнихъ дѣтей обоего пола дошкольнаго возраста; начальная школа [1]), съ общежитіемъ при ней для дѣтей обоего пола, которая даетъ уже возможность поступить въ двѣ сельскохозяйственныя школы Братства, мужскую и женскую. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ воспитаніе и образованіе ведется при участіи членовъ Братства и его учредителей; въ послѣднихъ двухъ школахъ, непосредственно руководимыхъ самимъ Н. Н. Неплюевымъ и сестрой его, М. Н. Уманецъ, воспитанники и воспитанницы, находясь въ возрастѣ 14—20 лѣтъ, способны уже отнестись вполнѣ сознательно къ сообщаемому имъ христіанскому пониманію назначенія человѣка и подготовляются къ будущей жизни на началахъ братолюбія и живой, дѣятельной любви. Не надо думать, что *всѣ* воспитанники школъ должны вступить въ Братство; пріемъ въ Братство и раньше еще, въ бытность въ школѣ,—въ братскіе кружки зависитъ

[1]) Теперь передана съ обезпеченіемъ въ вѣдѣніе земства.
Авторъ.

вполнѣ отъ свободнаго желанія каждаго; ученикъ можетъ пройти весь курсъ школы, не будучи ни въ одномъ братскомъ кружкѣ, если только онъ ничѣмъ не нарушаетъ общаго духа школы, и по окончаніи свободенъ воспользоваться своимъ аттестатомъ для службы на сторонѣ.

Здѣсь я приведу возможно полный очеркъ постановки дѣла духовно-нравственнаго воспитанія въ школахъ Н. И. Неплюева. Сдѣлать это считаю нужнымъ, съ одной стороны, потому что книги „Воздвиженская школа“ [1]), составленная самими воспитанниками и живо рисующая жизнь школы, въ продажѣ больше не имѣется, а съ другой стороны, потому что въ послѣднее время въ нѣкоторую часть періодической печати проникло сообщеніе о названныхъ школахъ намѣренно и неблагородно искажающее факты и дающее имъ ложное освѣщеніе [2]).

Составъ воспитанниковъ не ограничивается никакими условіями относительно званія, большинство состоитъ изъ крестьянъ и казаковъ различныхъ мѣстностей. Въ виду того, что школа не беретъ никакой платы, число желающихъ поступить бываетъ довольно велико; при пріемѣ съ родителей ученика берется условіе не препятствовать мальчику окончить въ школѣ курсъ ученія, чтобы оградить своеволіе нѣкоторыхъ, готовыхъ эксплуатировать дѣтей, едва лишь тѣ становятся способными работать. Общее число воспитанниковъ во всѣхъ 5 классахъ колеблется между 70—80. Послѣ пріемнаго экзамена, 1 августа,

---

[1]) П. И. Неплюевъ, „Воздвиженская школа“. С.-Пб. 1895 г.

[2]) Въ этомъ смыслѣ было уже сдѣлано мною разъясненіе при докладахъ, прочитанныхъ мною по предложенію г. попечителя на засѣданіяхъ комиссіи по вопросамъ о средней школѣ при Московскомъ учебномъ округѣ. *Авторъ.*

вновь принятые остаются жить въ школѣ три дня и присутствуютъ на актѣ, 4 августа, послѣ чего уѣзжаютъ до начала ученія. Это время старшіе воспитанники проводятъ съ ними и замѣчаютъ разныя стороны ихъ характеровъ, чтобы имѣть основаніе распредѣлить ихъ между собою. Наканунѣ 4 августа Старшій Братскій Кружокъ воспитанниковъ собирается на педагогическое совѣщаніе по вопросу о новомъ распредѣленіи младшихъ между старшими, въ виду новаго состава школы. Вновь вступившіе распредѣляются по усмотрѣнію совѣщанія; всѣ другіе ученики выражаютъ свои желанія въ особыхъ запискахъ, согласно которымъ, насколько возможно, и совершается распредѣленіе. Эта передача младшихъ на попеченіе старшимъ производится на другой день на актѣ попечителемъ школы П. Н. Неплюевымъ. Впослѣдствіи, если вліяніе старшаго оказывается недостаточно благотворно, мальчика переводятъ къ другому, котораго выбираетъ самъ онъ. Такимъ образомъ съ перваго же дня жизни въ школѣ мальчикъ получаетъ себѣ друга-руководителя, который помогаетъ ему легче ознакомиться съ новыми для него условіями жизни, въ новой обстановкѣ, среди новыхъ людей.

Дальнѣйшей заботой старшихъ является стараніе *пробудить сознаніе необходимости духовной самодѣятельности;* на языкѣ, понятномъ для нихъ, старшіе объясняютъ младшимъ, что никого нельзя воспитать нравственнымъ человѣкомъ противъ собственной воли и желанія его; что даже Богъ никогда не насилуетъ воли человѣка на дѣланіе добра, и поэтому ему необходимо самому горячо желать всѣмъ сердцемъ стать добрымъ, любящимъ, отзывчивымъ и съ любовью принимать ту поддержку, кото-

рую ему изъ желанія добра будутъ оказывать товарищи, старшіе, учителя и всѣ его окружающіе. Едва лишь въ мальчикѣ проявилась самодѣятельность въ желательномъ направленіи, его считаютъ кандидатомъ въ *Младшій Братскій Кружокъ*. Обыкновенно сами члены М. Б. К. слѣдятъ уже за всякимъ проявленіемъ доброй воли въ своихъ товарищахъ, подмѣчаютъ возможность пріобрѣтенія новаго члена, приглашаютъ его на свои собранія и этимъ сильно укрѣпляютъ его въ добрыхъ намѣреніяхъ. Если робкій или замкнутый характеръ мѣшаетъ ребенку проявлять себя, то старшій другъ его указываетъ и объясняетъ эти черты членамъ кружка. Не принято никого принимать въ Младшій Кружокъ раньше полугода послѣ поступленія въ школу. Всякій пріемъ новаго брата въ Братскій Кружокъ составляетъ настоящій праздникъ и согласно самому смыслу своему, какъ духовное торжество, совершается въ церкви священникомъ, которымъ при чтеніи соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ Евангелія (Мато. XVIII, 15—17) подробно разъясняется вновь вступающему принимаемыя имъ на себя обязанности по отношенію къ новымъ братьямъ своимъ. По совершеніи установленнаго чина принятія въ Младшій Братскій Кружокъ, всѣ даютъ вновь принятому первый братскій поцѣлуй и поздравляютъ другъ друга съ новымъ братомъ.

По временамъ М. Б. К. собирается для обсужденія поведенія своихъ сочленовъ, предъявляя къ нимъ высокія требованія, согласныя цѣлямъ кружка; здѣсь обсуждается вопросъ и о возможномъ принятіи кого-либо изъ внѣкружковыхъ. Часто на собраніяхъ этихъ бываетъ высокій подъемъ общаго чувства, и долго еще, бывало, не

уляжется радостное волненіе въ дѣтяхъ, вызванное чьимъ-нибудь искреннимъ раскаяніемъ въ своемъ поведеніи.

Въ жизни своей и отношеніяхъ взаимныхъ члены кружковъ руководствуются духомъ евангельскимъ, стараясь всякое возникающее недовольство улаживать дружескимъ объясненіемъ съ глазу на глазъ; если это не удается, прибѣгаютъ къ помощи одного или двухъ другихъ братьевъ или старшаго друга своего; если и ихъ увѣщанія безсильны, то весь братскій кружокъ на собраніи своемъ всѣ силы свои прилагаетъ, чтобы образумить, уговорить того изъ братьевъ, кто уклонился съ праваго пути. И только когда всѣ мѣры эти исчерпаны, кружокъ дѣлаетъ постановленіе объ исключеніи изъ своей среды своего члена до тѣхъ поръ, пока поведеніе не дастъ права снова назвать его братомъ.

М. Б. К. представляетъ первую ступень въ духовномъ ростѣ ученика; слѣдующая ступень — *Старшій Братскій Кружокъ*. Главныя условія для вступающаго: достаточно сознательная вѣра, желаніе согласовать съ ней свою жизнь и любовь къ Богу и Его созданіямъ, достаточная, чтобы можно было ему поручить дѣло воспитанія младшаго товарища. Конечно, не всегда и не всѣ члены С. Б. К. оказываются на высотѣ этихъ требованій, но смѣло можно сказать, что большинство членовъ С. Б. К. сознаетъ и понимаетъ всю святость, все величіе дѣлаемаго ими дѣла и считаетъ за честь и счастье служить ему. Быть можетъ, многіе предположатъ, что непедагогично внушать подросткамъ такое высокое мнѣніе о своей дѣятельности, что это можетъ развить самомнѣніе и гордость, но Н. Н. Неплюевъ на основаніи опыта своего убѣжденъ, что только при такомъ правильномъ

пониманіи своего дѣла возможно сколько-нибудь удовлетворительно выполнить принимаемыя на себя обязанности. Притомъ же члены С. Б. К., какъ люди сознательно вѣрующіе въ Бога, считаютъ воспитаніе младшихъ дѣломъ Божіимъ, къ которому они призваны лишь какъ орудія волп Его; съ этой точки зрѣнія совершенно исчезаетъ личная гордость и самомнѣніе. Къ тому же въ дѣлѣ воспитанія такъ часто приходится сознавать свое личное безсиліе, что это одно удерживаетъ отъ гордости.

Вступающему въ С. Б. К. сперва разрѣшаютъ присутствовать на всѣхъ собраніяхъ кружка, и только убѣдившись въ его полной духовной солидарности, принимаютъ въ число членовъ кружка и поручаютъ ему нѣсколькихъ младшихъ. Пріемъ въ С. Б. К. совершается также въ церкви священникомъ по установленному чину, при чемъ въ словахъ Евангелія выясняется важность главной принимаемой имъ на себя обязанности — воспитанія младшаго товарища.

Старшіе живутъ съ младшими своими въ самомъ тѣсномъ общеніи, спятъ рядомъ съ ними, при чемъ постель старшаго находится въ срединѣ между постелями младшихъ, за обѣдомъ сидятъ съ ними за однимъ столомъ и въ остальное время стараются какъ можно чаще быть для нихъ доступными. Вмѣстѣ съ тѣмъ они стараются избѣгать навязыванія своего вліянія и попеченія, если младшій самъ того не желаетъ, при чемъ, если это положеніе продолжается долго, возникаетъ вопросъ о переводѣ младшаго къ другому брату по кружку, который способенъ оказать на него болѣе сильное вліяніе.

Ежедневно, по очереди, одинъ изъ членовъ С. Б. К.

со своими младшими приходитъ къ попечителю школы, чтобы этимъ общеніемъ закрѣпить духовную связь съ нимъ учениковъ. Каждую субботу члены С. Б. К. собираются вечеромъ въ домѣ попечителя, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ обсуждаютъ поведеніе младшихъ, отношенія къ нимъ старшихъ, а иногда проводятъ время за общимъ чтеніемъ, музыкой и пѣніемъ. Въ день рожденія кого-нибудь изъ членовъ С. Б. К. послѣ общей молитвы прежде прочитывалась ему его характеристика, составленная къ этому дню его братьями по кружку; при этомъ подчасъ высказывались очень горькія истины, но съ такой очевидной любовью, что не нарушали радости общаго настроенія; теперь характеристики эти не пишутся, а высказываются на словахъ.

Къ 1-му января каждаго года всѣ старшіе пишутъ подробныя *характеристики* своихъ младшихъ. Около 7 января на собраніи С. Б. К., продолжающемся почти непрерывно два-три дня, прочитываются эти характеристики, и братья по кружку высказываютъ свое мнѣніе о томъ, насколько вѣрно понятъ и изображенъ характеръ того или другого изъ младшихъ.

Въ этихъ трудахъ, въ этихъ заботахъ о младшихъ своихъ проводятъ члены С. Б. К. тѣ годы своей юности, въ которые многіе изъ сверстниковъ ихъ слѣдуютъ ходячей формулѣ: „въ молодости перебѣситься надо“... И эти юноши, замѣчаетъ П. Н. Неплюевъ, не тяготятся воздержаніемъ отъ бѣшенства, а находятъ удовлетвореніе и радость въ тихой, скромной жизни, полной вѣры, любви, труда и самоограниченій.

Учителя — всѣ теперь члены Братства, бывшіе ученики своей школы; они представляютъ лишь болѣе

старшихъ опытомъ и знаніями товарищей; у каждаго изъ нихъ подъ ближайшимъ руководствомъ находится нѣсколько членовъ С. Б. К.

Кромѣ членовъ С. Б. К., которые имѣютъ исключительно нравственное вліяніе и значеніе на школу и на младшихъ, существуютъ еще *старшины* въ каждомъ изъ 5 классовъ, отвѣтственные за порядокъ и имѣющіе право требовать безусловнаго повиновенія своимъ распоряженіямъ. Власть старшины старшаго класса распространяется на всю школу. Существованіе такихъ лицъ, выбранныхъ товарищами и отвѣтственныхъ передъ начальствомъ школы, полезно главнымъ образомъ для воспитанія въ дѣтяхъ привычки добровольно и безпрекословно повиноваться выбраннымъ лицамъ. Если бы старшины назначались начальствомъ школы, а не выбирались товарищами, то повиновеніе имъ не имѣло бы характера добровольнаго признанія власти равноправнаго товарища. Старшины избираются каждымъ классомъ ежемѣсячно, при чемъ нерѣдко то же лицо избирается много разъ и даже цѣлые годы подъ рядъ. Забаллотированіе старшинъ случается гораздо рѣже, чѣмъ добровольный отказъ старшины отъ должности. Старшина обязанъ наблюдать за порядкомъ въ своемъ классѣ и въ той отрасли школьной жизни, заботы о которой ему поручены. Всѣ воспитанники обязаны ему повиноваться во всемъ, что касается принятыхъ имъ на себя обязанностей. Если требованіе старшины кажется ему почему-либо неосновательнымъ, воспитанникъ можетъ, соблюдая должное уваженіе, высказать старшинѣ свое мнѣніе, при повторенномъ требованіи онъ долженъ безпрекословно повиноваться. Въ субботнемъ кругу каждый воспитанникъ

не только можетъ, но и долженъ заявить неудовольствіе на старшину, въ случаѣ гордаго или грубаго отношенія къ товарищамъ или неосновательныхъ требованій и необдуманныхъ распоряженій.

Въ школѣ 5 классовъ: два подготовительныхъ и три спеціальныхъ. Особенность классныхъ занятій состоитъ въ *общемъ подготовленіи уроковъ* цѣлымъ классомъ; всѣ уроки, какіе возможно, т.-е. кромѣ напр. письменныхъ работъ и заучиванія на память, готовятся сообща. Побудительными причинами для введенія этого было слѣдующее: 1) пріучить воспитанниковъ къ дружной совмѣстной дѣятельности; 2) доставить возможность менѣе способнымъ дѣтямъ систематично пользоваться помощью со стороны болѣе способныхъ товарищей, въ положеніи которыхъ дѣти часто лучше понимаютъ урокъ, чѣмъ изъ учебника; 3) заставить подготовлять уроки даже самыхъ лѣнивыхъ и непривыкшихъ сосредоточивать вниманіе учениковъ и постепенно отучать ихъ отъ самой лѣни; наконецъ, 4) сдѣлать невозможнымъ зазубриваніе уроковъ для тѣхъ, кто поступаетъ въ школу съ этой дурной привычкой. Теперь это общее приготовленіе уроковъ пользуется несочувствіемъ только со стороны рѣдкихъ приверженцевъ зубрежки и тѣхъ изъ наиболѣе способныхъ дѣтей, въ которыхъ нѣтъ достаточной любви къ товарищамъ, чтобы желать быть имъ полезными. Въ результатѣ введенія этой мѣры, помимо воспитательнаго ея вліянія, ученики стали заниматься значительно ровнѣе и общій уровень занятій значительно повысился. Кромѣ обычныхъ ежегодныхъ экзаменовъ бываютъ и внезапные экзамены лѣтомъ, когда пріѣзжаетъ ревизовать школу уполномоченный отъ Министерства Земледѣлія;

въ такихъ случаяхъ дѣти, оторванныя прямо отъ лѣтнихъ работъ, отвѣчаютъ безъ приготовленія, и на засѣданіяхъ педагогическаго совѣта послѣ этихъ испытаній г. уполномоченный не разъ заявлялъ, что по успѣхамъ учениковъ Воздвиженская школа занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду школъ того же разряда.

Впѣ уроковъ дѣлается все возможное, чтобы умственно развить учениковъ; съ этой цѣлью пользуются каждымъ свободнымъ днемъ, устраивая чтенія, бесѣды и рефераты, на которыхъ воспитанники старшихъ классовъ пріучаются систематизировать свои мысли по отдѣльному вопросу и связно излагать ихъ. Кромѣ школьной библіотеки, воспитанники спеціальныхъ классовъ могутъ пользоваться, подъ руководствомъ учителей, нѣкоторыми отдѣлами обширной библіотеки Н. Н. Неплюева.

Суббота представляетъ нѣсколько отличный отъ другихъ день; онъ посвящается обсужденію жизни школы за истекшую недѣлю. Лѣтомъ въ этотъ день воспитанники свободны отъ работъ, зимой бываетъ лишь половина обычныхъ занятій. Послѣ 12 часовъ собирается педагогическій совѣтъ подъ предсѣдательствомъ попечителя или управляющаго школой. Здѣсь учителя дѣлятся впечатлѣніями и мыслями о поведеніи и отношеніи къ дѣлу воспитанниковъ. Послѣ этого часа въ три происходитъ *кругъ;* собираются всѣ ученики, учителя; ведется собраніе попечителемъ или кѣмъ-нибудь изъ преподавателей. Собраніе это имѣетъ чисто семейный характеръ и открывается чтеніемъ *школьнаго дневника.* Дневникъ этотъ ведется самими воспитанниками; въ будніе дни записи ведутся дежурными по школѣ, а въ праздничные и субботніе — воспитанниками трехъ спеціаль-

ныхъ классовъ, назначаемыми старшиною старшаго класса, который и наблюдаетъ за своевременностью записей. Въ дневникѣ записывается все, что случается особеннаго въ жизни школы, и главное вниманіе обращается на настроеніе воспитанниковъ, на ихъ радости и горе; въ немъ же записывается подробно все, что говорится на кругахъ, на бесѣдахъ, на товарищескихъ совѣщаніяхъ и на всѣхъ собраніяхъ школы, такъ что дневникъ являетъ собою полную хронику школы. Главный недостатокъ записи состоитъ, конечно, въ изложеніи; по прочтеніи въ кругу дѣлаются замѣчанія и указанія на недостатки записи. Раньше, послѣ чтенія дневника, приступали къ чтенію книги проступковъ. Въ эту книгу всякій воспитанникъ имѣлъ право записать самого себя, товарища и даже старшину; въ эту же книгу записываютъ старшины, кѣмъ и за что они недовольны. Часто въ эту книгу вносили себя сами виновные, желающіе искренне сознаться и объяснить мотивы своего проступка. Эта книга имѣла значеніе памятной книги, чтобы потомъ на кругу можно было проступокъ обсудить совмѣстно для общей пользы. Теперь этотъ порядокъ нѣсколько измѣненъ, и руководители считаютъ это за прогрессъ въ жизни школы.

Ежедневно всѣ недоразумѣнія, всѣ проступки, имѣвшіе мѣсто за день, улаживаются взаимными объясненіями передъ вечерней молитвой; дѣлается такъ затѣмъ, чтобы обдумать все подъ живымъ чувствомъ и впечатлѣніемъ, не дожидаясь субботняго круга; къ тому же личное дружеское объясненіе на словахъ имѣетъ въ себѣ больше непосредственнаго чувства, чѣмъ запись на бумагѣ.

Далѣе, на кругу попечитель сообщаетъ, что̀ слышалъ

онъ хорошаго и дурного отъ попечителей на педагогическомъ совѣтѣ; это носитъ характеръ частныхъ замѣчаній воспитателя дѣтямъ. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ воспитаннику дѣлается выговоръ по постановленію педагогическаго совѣта; два-три такихъ выговора ставятъ на очередь вопросъ объ исключеніи ученика изъ школы, если онъ не измѣнится.

Затѣмъ лѣтомъ воспитанники, бывшіе смотрителями работъ, заявляютъ объ отношеніи учениковъ къ дѣлу. Предсѣдатель спрашиваетъ у старшинъ, какъ довольны они поведеніемъ своихъ товарищей по классу. Когда старшина выскажетъ все, что имѣлъ сказать, предлагается воспитанникамъ высказаться о старшинахъ, объ ихъ отношеніяхъ къ нимъ. Приблизительно черезъ мѣсяцъ происходитъ баллотировка старшинъ посредствомъ подачи голосовъ на отдѣльныхъ бумажкахъ. На кругу же рѣшаются и какія-нибудь новыя мѣры, касающіяся всѣхъ воспитанниковъ.

Если кругъ кончается не очень поздно, то воспитанники раздѣляются на три группы: С. Б. К., М. Б. К. и внѣ-кружковые, и каждая устраиваетъ свое частное собраніе подъ предсѣдательствомъ учителя. Это раздѣленіе имѣетъ цѣлью дать возможность поговорить именно о тѣхъ вопросахъ, которые ихъ всего ближе касаются; есть много вопросовъ, которые вполнѣ ясны для находящихся въ кружкахъ, а внѣ-кружковымъ полезно ихъ уяснить, кромѣ того старшимъ неудобно говорить о своихъ братьяхъ въ присутствіи младшихъ, которые имъ поручены; о старшемъ говорятъ въ общемъ кругу только тогда, когда поступокъ его извѣстенъ младшимъ.

Кругъ въ школѣ устраивается обыкновенно въ субботу,

а въ промежуткѣ бываетъ *товарищеское совѣщаніе*. Особенность и отличіе его отъ круга въ томъ, что воспитанники обсуждаютъ проявленія школьной жизни самостоятельно вполнѣ, безъ своихъ воспитателей. Руководителемъ этого совѣщанія является старшина школы. Воспитатели намѣренно не присутствуютъ на этихъ собраніяхъ, чтобы дать воспитанникамъ возможность привыкнуть къ самостоятельной дѣятельности. Надо отмѣтить еще, что дѣти, даже самыя младшія, съ особеннымъ интересомъ и любовью относятся къ этимъ совѣщаніямъ.

Не надо думать, что на кругахъ и совѣщаніяхъ говорятъ исключительно о дурныхъ проявленіяхъ школьной жизни. За всякое особенное проявленіе любви къ товарищамъ и школѣ товарищи выражаютъ свое сочувствіе и благодарность; иногда это выражается даже въ записи въ особую книгу похвалъ. Въ нее же вносятся ежемѣсячно имена выбранныхъ старшинъ и похвалы, выраженныя по постановленію педагогическаго совѣта.

Вечеръ субботы, послѣ всенощной, члены С. Б. К. проводятъ въ домѣ попечителя. Здѣсь за тѣснымъ дружескимъ кружкомъ вокругъ чайнаго стола они проводятъ время за чтеніемъ, разговорами о младшихъ; часто попечитель разсказываетъ о своихъ путешествіяхъ, играетъ на фортепіано произведенія Моцарта, Бетховена, Вагнера или свои собственныя; иногда исполняются хоровыя пьесы, чаще всего нѣкоторые любимые духовные концерты, и наконецъ заканчивается вечеръ общей молитвой.

Какъ суббота посвящается вопросамъ нравственнаго воспитанія, такъ *воскресенье* школа стремится посвятить религіозной жизни. Въ 8 часовъ, передъ службой въ

церкви, бываетъ предмолитвенная бесѣда, которую ведетъ большею частью попечитель школы; иногда бесѣды эти бываютъ частныя по классамъ и ихъ ведутъ нѣкоторые изъ преподавателей подъ руководствомъ попечителя. Темы для бесѣдъ избираются преимущественно религіознаго характера. Объ этихъ бесѣдахъ нужно сказать, что въ изложеніи Н. Н. Неплюева всѣ религіозные вопросы имѣютъ въ высшей степени жизненный смыслъ, способствуя согласованію жизни съ вѣрою. Тутъ я кстати замѣчу для успокоенія тѣхъ, кому могутъ казаться нежелательными бесѣды свѣтскаго лица на религіозныя темы, что преосвященный черниговскій Сергій, лично и близко знавшій образъ мыслей и дѣятельность Н. Н. Неплюева, благословилъ его грамотой, въ которой, называя его *дорогимъ сыномъ Церкви,* даетъ ему право, облачаясь въ стихарь, говорить проповѣди въ церкви. Кромѣ того, во всѣхъ проявленіяхъ жизни школы и Братства живое и непосредственное участіе принимаетъ священникъ братской церкви, онъ же — законоучитель школъ и духовный отецъ всѣхъ воспитанниковъ и членовъ Братства. Иногда темой бесѣды служатъ нѣсколько стиховъ изъ Евангелія или Посланій, прочитанныхъ передъ бесѣдой. Часто воспитатель принимаетъ роль руководителя и предоставляетъ участіе въ бесѣдѣ воспитанникамъ, благодаря чему они привыкаютъ логически разсуждать и на все смотрѣть съ христіанской точки зрѣнія. На бесѣдахъ присутствуютъ, кромѣ воспитанниковъ, всѣ желающіе изъ членовъ Братства. Иногда устраиваются бесѣды послѣ обѣда, часа въ три, общія для обѣихъ школъ и всего Братства; чаще же послѣобѣденное время посвящается устройству *литературно-*

музыкальнаго вечера или *рефератамъ на разныя темы*. Обыкновенно программа вечера состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ принимаютъ участіе чтеніемъ басенъ и стиховъ самые маленькіе воспитанники; вторая часть посвящается болѣе серіознымъ исполнителямъ; иногда выступаютъ съ новыми произведеніями молодые поэты Братства, бывшіе воспитанники школы, стихотворенія которыхъ помѣщаются въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ и изданы отдѣльными сборниками[1]).

Въ чтеніи рефератовъ принимаютъ участіе старшіе воспитанники, учителя, священникъ и даже постороннія лица, навѣщающія школы и Братство. Нѣкоторые рефераты составляются систематично съ цѣлью постепенно изложить исторію Церкви, всеобщую исторію и русскую литературу, предметы, не входящіе въ программы школъ.

Результатомъ такого воспитанія является то, что не только такія явленія, какъ пьянство, воровство, драки, дурное вліяніе женщинъ и т. п., не мыслимы въ школьной жизни, но даже не бываетъ случаевъ грубой брани, куренія табаку и разгула въ дурномъ сообществѣ внѣ стѣнъ школы.

Совершенно тотъ же типъ и строй воспитанія введенъ и въ женской сельскохозяйственной школѣ, при чемъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ находится Н. Н. Неплюевъ и учителя къ воспитанникамъ, стоятъ къ ученицамъ М. Н. Уманецъ, сестра Н. Н., и сестры-воспитательницы, члены Трудового Братства.

Въ настоящее время Крестовоздвиженское Трудовое Братство насчитываетъ въ своемъ составѣ до 100 чел.

---

[1]) Деляковъ. На порогѣ жизни. Стихотворенія. С.-Пб. 1895 года и Стихотворенія. С.-Пб. 1898, и Федоренко. Первыя пѣсни. С.-Пб. 1899.

обоего пола и намѣрено приступить къ еще болѣе широкому распространенію принциповъ своей братской жизни, а именно: выдѣленіемъ изъ своей среды отдѣльныхъ братскихъ семей-единицъ, которыя, образуя изъ себя ремесленныя или торговыя артели, отправлялись бы въ разные города или села и самой жизнью своей служили бы яснымъ доказательствомъ возможности организовать трудъ на началахъ братолюбія. Помимо этого значеніе Братства усиливается еще тѣмъ, что многіе изъ лицъ, посторонпихъ Братству, лично познакомившись съ характеромъ братской жизни, становятся горячими поборниками ея, и каждый въ своей средѣ, по мѣрѣ своихъ силъ, стремятся провести въ жизнь идеи Братства, организовать, гдѣ возможно, братскіе союзы и принести свою каплю для свѣтлаго будущаго — жизни по любви и для любви.

V.

Самобытное воспитаніе.

Если мы проведемъ параллель между воспитаніемъ англійскимъ въ вышеописанныхъ школахъ д-ра Редди и м-ра Бадни и воспитаніемъ въ русской школѣ Н. Н. Неплюева, то найдемъ, несмотря на нѣкоторую общность въ методѣ, коренную противоположность въ самой основѣ. Первое, что поражаетъ русскаго человѣка въ англійскомъ воспитаніи, это — полное отсутствіе религіознаго вліянія. Мы уже сроднились съ громаднымъ воспитательнымъ значеніемъ, которое имѣетъ религія и храмъ Божій на душу ребенка; даже самые передовые позити-

висты, ни во что, кромѣ своего прогресса и эволюціи, не вѣрящіе, не рѣшатся открыто отхинуть религію въ дѣлѣ воспитанія; даже, по ихъ мнѣнію, церковь нужна для дѣтей и для народа, пока и тѣ и другіе не взойдутъ въ свой разумъ, не достигнутъ высоты позитивнаго міровоззрѣнія. Въ этихъ англійскихъ школахъ ученики ничѣмъ не связаны съ религіей и нѣтъ особаго преподаванія Закона Божія. Въ программѣ относительно этого вопроса стоятъ лишь нѣсколько туманныхъ строкъ:

„Религія въ жизни занимаетъ главное мѣсто, и вся жизнь должна быть ею насыщена. Мы не указываемъ дѣтямъ на религію, какъ на часть жизни, но какъ на органическое и гармоническое цѣлое, которое должно проникать всего человѣка, независимо отъ религіозныхъ сектъ. На четверть часа утромъ и вечеромъ собираются для выраженія внѣшними знаками надежды и вѣры“ (стр. 50).

Но что вполнѣ естественно въ Англіи, совершенно чуждо для насъ; если англійское воспитаніе можно назвать гуманитарнымъ,—наше должно быть христіанскимъ. Помимо *изученія* слова Божія, именно какъ *закона Бога нашего, даннаго намъ для нашей жизни,* помимо благоговѣйнаго посѣщенія храма Божія и сознательнаго отношенія ко всему, въ немъ происходящему, христіанское воспитаніе должно научить человѣка и *въ жизни* своей *выполнять* все, что дано намъ словомъ Божіимъ, сознательно оцѣнивать всякій шагъ, всякій поступокъ при свѣтѣ христіанской совѣсти. Одинъ законъ далъ намъ Христосъ для жизни — *любовь:* „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы любите другъ друга. Потому узнаютъ

всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Іоан. 13, 34). Научить любви нельзя; пробудить сознательную любовь можно — это цѣль христіанскаго воспитанія, и ея достигаетъ школа Н. Н. Неплюева. При своемъ личномъ посѣщеніи школы и Братства я былъ пораженъ до глубины души той атмосферой братской любви, искреннихъ чувствъ, которой проникнута вся тамошняя жизнь. Намъ, выросшимъ совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, нельзя даже вполнѣ представить такой жизни. Присутствуя на богослуженіи въ церкви, построенной при школѣ, я видѣлъ глубокое, сознательное выраженіе на лицахъ дѣтей и взрослыхъ; какой это страшный контрастъ съ кощунственнымъ гоняніемъ учениковъ въ церковь въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ тѣсной связи съ отсутствіемъ религіи въ англійской школѣ лежитъ и другая коренная особенность ея. По опредѣленію д-ра Редди, „человѣкъ есть *разумъ*, связанный съ тѣломъ“, поэтому воспитаніе его стремится гармонично развивать то и другое. Впрочемъ, далѣе д-ръ признаетъ за человѣкомъ еще кое-что. На стр. 50 читаемъ: „По опредѣленію Бональда, *человѣкъ есть разумъ, коему служатъ органы*. Утро было посвящено развитію перваго, послѣобѣденное время — упражненію вторыхъ. Но человѣкъ не только это: онъ также существо общественное и по способностямъ своимъ и по стремленіямъ. Чтобы создать человѣка цѣльнаго, нужно развить въ немъ и эти общественныя его свойства, сдѣлать его человѣкомъ благовоспитаннымъ, который въ обществѣ своихъ ближнихъ находилъ бы удовольствіе и приносилъ его съ собою“.

Поэтому вечеръ школьнаго дня посвящается на са-

лонныя развлеченія и разговоры для выдѣлки „свѣтскаго человѣка“.

Здѣсь, въ этой краткой фразѣ — „человѣкъ есть *разумъ*, коему служатъ органы“ — выражается мнѣніе громаднаго, пожалуй, большинства въ наше время. Я уже говорилъ, какимъ острымъ является вопросъ о любви и вѣрѣ, такой же жгучій вопросъ — для людей невѣрующихъ особенно — о любви и разумѣ. Что чему должно подчиняться? Часто говорятъ и думаютъ, что оттого такъ много зла, что люди еще не совсѣмъ просвѣтились, что мало образованія, понимая подъ этимъ, главнымъ образомъ, умственное развитіе. Это вполнѣ понятно; разъ человѣкъ состоитъ изъ разума и органовъ, то нужно развивать первый, чтобы онъ умѣлъ владѣть вторымъ. Но неужели же ничего больше нѣтъ въ человѣкѣ? Самъ д-ръ Редди нашелъ въ немъ еще общественныя свойства, которыя заключаются, по его мнѣнію, въ томъ, что человѣкъ получаетъ удовольствіе, находясь въ хорошемъ кругу знакомыхъ, и приноситъ его съ собой. Но христіанство выше ставитъ эти свойства человѣка; оно называетъ ихъ духовнымъ міромъ и преимущественно міромъ любви. Богъ есть любовь, такъ и истинный человѣкъ, стремящійся стать подобіемъ и образомъ Бога своего, есть человѣкъ любви. Только тотъ, въ комъ есть любовь, способенъ создать великое и славное, способенъ на великодушіе, на страданіе за другихъ; какъ разумомъ можемъ мы объяснить всѣ высокія движенія души? Какъ разумомъ обосновать самоотверженные подвиги во имя любви къ Богу, къ идеѣ, къ отечеству и къ ближнимъ своимъ? Конечно, при злой волѣ можно ко всему подойти съ анализомъ и скепти-

цизмомъ, можно съ пожиманіемъ плечъ отойти въ сторону отъ историческаго факта, но этимъ мы докажемъ только лишній разъ, какъ глубоко сами мы уже испорчены, какъ измельчали сравнительно съ тѣми, свѣтлые образы которыхъ сохранила намъ исторія, если не въ состояніи даже *понять* то, чѣмъ они *жили*. Христіанину должно быть ясно, что любовь главное начало жизни; разумъ, подчиняясь ей, господствуетъ надъ всѣми нашими ощущеніями. Развѣ мы не видимъ, какъ иногда люди всѣ силы своего высоко-развитаго ума направляютъ лишь на горе, на зло для своихъ ближнихъ? Чѣмъ же это объяснить? Одинъ изъ дѣятелей по народному образованію любилъ и въ разговорѣ и въ лекціяхъ своихъ на педагогическихъ курсахъ подкрѣплять свое мнѣніе такой ссылкой на слова Спасителя: „Съ высоты Голгоѳы возвѣщена намъ эта истина: *Не вѣдаютъ* бо, что творятъ“. Не будемъ разсуждать о томъ, почему *озлобленные книжники* не могли *вѣдать* Сына Божія, полнаго *любви*, тогда какъ *простые рыбаки вѣдали* Его и преклонялись предъ Нимъ, какъ предъ Христомъ и Богомъ, спросимъ только, почему же теперь, когда уже двѣ тысячи лѣтъ послѣ Голгоѳы идетъ умственное развитіе человѣчества, люди, кажется, такъ же мало склонны *вѣдать* Сына Божія и его законы, какъ и при Понтіи Пилатѣ? Почему же и теперь мы живемъ не по закону любви, а по закону борьбы за существованіе? Не пора ли, наконецъ, оставить слѣпую вѣру въ какой-то непогрѣшимый самодовлѣющій разумъ, который самъ изъ себя неуклонно стремится къ общему благу; пора отъ закона Дарвина перейти къ закону Христа.

Нелѣпо думать, что этимъ унижается разумъ; обыкновенно обиженно выражаютъ, что, значитъ, не нужно умственно развиваться, не нужна наука и т. д. Все нужно, но все на своемъ мѣстѣ. Пусть развивается въ человѣкѣ все, что ему дано, но все должно быть согласовано съ любовью. Въ этомъ именно смыслѣ сказалъ Апостолъ: *„все мнѣ позволено“*, потому что христіанство и есть высшая свобода по закону любви. На всѣ же возраженія поклонниковъ разума, направленныя въ защиту царственнаго достоинства ихъ идола, можно напомнить слова Спасителя, обращенныя къ книжникамъ: „сіе надлежало дѣлать и того не оставлять“, а вотъ именно *„то“, главное,* мы и забыли[1]).

Въ идеалѣ англійскаго воспитанія мы не видимъ христіанскихъ чертъ; это человѣкъ новаго склада, новѣйшей формаціи; это — „воспитаніе, создающее людей не прошлаго, а будущаго“, какъ съ гордостью и восхищеніемъ замѣчаетъ самъ авторъ. Посмотримъ, что же это за человѣкъ, уяснимъ себѣ его нравственную физіономію. Прежде всего это человѣкъ съ полной вѣрой въ себя, въ свои собственныя силы, въ свой разумъ; ему не будетъ никакого дѣла до другихъ, ему не нужна ихъ помощь и онъ въ правѣ поэтому самъ оставаться въ сторонѣ. Все, что недоступно его собственному разуму, его собственнымъ силамъ — не существуетъ, фикція, и не должно быть; значитъ нѣтъ религіи, потому что всякая религія — тайна, ирраціональна по существу

---

[1]) Опредѣленіе Бональда, приведенное выше, можетъ быть измѣнено согласно вышесказанному такъ: человѣкъ есть разумъ, *подчиненный любви,* коему служатъ органы. Подобная мысль эта выражена въ сочиненіяхъ Н. Н. Неплюева.

своему. А разъ нѣтъ религіи — человѣку все позволено, — какъ говорилъ Иванъ Карамазовъ. Вотъ и дошли мы до корня этого направленія; чего же можемъ мы ждать отъ этихъ людей будущаго, въ худшемъ смыслѣ „сверхъ-человѣковъ“, для дѣла осуществленія на землѣ Христовыхъ завѣтовъ. Отвѣтъ, кажется ясенъ, и *если только наша школа хочетъ быть христіанской не по названію только, а по самому духу, то она не должна видѣть примѣръ для себя въ идеалахъ англійскаго воспитанія.*

Этотъ примѣръ показываетъ намъ еще разъ, какая глубокая пропасть лежитъ между Западомъ и нами въ самомъ складѣ характера и жизни народной. На Западѣ во всемъ сказывается стремленіе къ обособленію, выдѣленію изъ цѣлаго отдѣльной единицы; особенно ярко это въ англо-саксонскомъ племени. У насъ же и вообще у народовъ славянскихъ въ характерѣ обратное стремленіе къ единенію, сближенію, сліянію отдѣльныхъ единицъ въ общій цѣлостный „*міръ*“. Г. Розановъ дѣлаетъ въ высшей степени глубокое замѣчаніе о томъ вліяніи, которое оказываетъ въ этомъ случаѣ Церковь, на примѣрѣ владѣнія землею. Онъ говоритъ:

„Въ частности, общинное или мірское владѣніе землею, какъ и артельное начало въ трудѣ, находятся въ незамѣчаемой обыкновенно гармоніи съ православіемъ — этимъ строемъ церкви *соборнымъ*, т.-е. въ иной и высшей сферѣ также *общиннымъ, религіозно-„мірскимъ“* („міръ“ мы беремъ здѣсь въ смыслѣ „цѣлаго“, будетъ ли то церковь, государство, село, толпа людей). Можно думать, что это соборное начало изъ церкви проникло и въ духъ народа нашего, отразившись въ немъ какъ стремленіе къ внутреннему согласію частей, къ устра-

нешію какого-либо антагонизма въ нихъ, ихъ сильнѣйшему единству, скрѣпленію; община, естественно и ранѣе возникшая, попавъ подъ этотъ особый душевный складъ, нашла въ немъ укрѣпленіе, защиту, благопріятный моментъ для дальнѣйшаго развитія; какъ ранѣе же и естественно возникнувъ, она въ формахъ церковнаго строя и еще глубже въ складѣ народнаго духа нашла на Западѣ отрицательное условіе, въ силу котораго и погибла. И въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ понятно, что германскому индивидуализму, въ сферѣ труда, гораздо болѣе отвѣчаетъ одиночно стоящая ферма, не стѣсняемая личная инициатива, что̀ все и установилось у этихъ народовъ; какъ позднѣе, подъ вліяніемъ тѣхъ же стремленій, они выработали и церковь, гдѣ каждый молится у себя и по-своему, мало думая о сліяніи, о единствѣ съ другими. Напротивъ, патронатъ — обширное личное землевладѣніе съ міромъ подчиненныхъ себѣ другихъ владѣній, въ высшей степени отвѣчаетъ складу романскаго духа, который и въ развитіи церковныхъ формъ пришелъ къ созданію строгаго и насильственнаго единства, соединенію *подъ* собою, но не *въ себѣ*, многихъ; что крупное землевладѣніе развито болѣе всего въ Англіи — это не противорѣчитъ сказанному: и тамъ возникло оно въ католическую пору, и даже подъ особенными благословеніями римской церкви (норманское завоеваніе). Такимъ образомъ *ферма, патронатъ, община* суть нормы землевладѣнія въ разныхъ европейскихъ странахъ, соотвѣтствующія тремъ главнымъ видамъ церковнаго строя у нихъ и восходящія какъ къ первому источнику своему, къ особенностямъ ихъ психическаго сложенія“...

„Любопытно, что наиболѣе прочная и развитая община

встрѣчается у старовѣровъ нашихъ, т.-е. у людей, у которыхъ кромѣ церковной и нѣтъ почти другой жизни, которые пренебрегли мірскимъ, здѣшнимъ, ради вѣрности духовному, какъ они его понимаютъ. „Міръ“, какъ форма труда и жизни, неотдѣлимъ отъ отреченія отъ міра, отъ нѣкотораго пренебреженія къ нему, въ смыслѣ свѣтскаго, выгоднаго, земного; ибо, что каждый нѣчто изъ своего теряетъ въ немъ — это ясно для всякаго мужика, какъ и для экономиста, для крупнаго собственника; только разница въ томъ, что послѣдніе не мирятся съ этой потерей, будучи на ней одной сосредоточены, первый же мирится ради единства, сліянности себя съ „міромъ“, для „души“. (Литер. очерки, стр. 236).

Итакъ, въ особомъ психическомъ складѣ нашего народа лежитъ общинное начало, которое еще укрѣпила своимъ вліяніемъ наша православная, всесословная, весь „міръ“ объединяющая Церковь. Это же начало сліянности съ „міромъ“ должно лежать и во всѣхъ другихъ сторонахъ народной жизни, не только въ землевладѣніи; т.-е. все роды труда, всякая дѣятельность должна въ основѣ своей быть не единичной, не эгоистической, а именно общинной, „мірской“; въ этомъ и заключается самобытность русской культуры. Высшіе и средніе классы подъ вліяніемъ идей Запада отдѣлились уже отъ этого самобытнаго строя; мало-по-малу низшій ремесленный классъ также начинаетъ, къ сожалѣнію, „просвѣщаться“ сознаніемъ *выгодности* для отдѣльной личности подняться на счетъ болѣе слабыхъ, которыхъ можно придавить, но народная масса еще вѣрна своимъ отвѣчнымъ принципамъ. Если мы хотимъ развиваться самобытно, намъ нужно прійти на помощь самой природѣ русскаго духа, дать воз-

можность вылиться ему въ соотвѣтствующія ему формы, а не уродовать его насильственно, предлагая западныя организаціи, которыя разлагаются даже на нашихъ глазахъ.

А эти формы самобытныя, искони родныя настоящему русскому, артель — община на низшихъ, и братство — на высшихъ ступеняхъ духовной жизни; эти формы несутъ смерть всякому эгоистическому возвышенію одного надъ другими; нельзя думать, что это поведетъ къ общему равенству, какъ обезличенію человѣческаго общества. Равенства нѣтъ и не будетъ на землѣ; это чистая фикція, придуманная отвлеченными мыслителями, привыкшими имѣть дѣло съ математическими величинами; въ самой природѣ Богъ не создалъ двухъ одинаковыхъ предметовъ, даже среди простѣйшихъ созданій, что же говорить о человѣкѣ, наиболѣе сложномъ, наиболѣе совершенномъ твореніи. Но какъ въ природѣ, при всемъ разнообразіи отдѣльныхъ индивидуумовъ, есть общее неуловимое разумомъ начало — жизнь, такъ и въ людяхъ, при всемъ разнообразіи ихъ лицъ и характеровъ, есть общее ирраціональное начало — духъ, истинный образъ и подобіе Бога. Этотъ духъ, проявляющійся единствомъ во множествѣ, живетъ и растетъ лишь въ жизни общей, въ жизни цѣлаго; если нѣтъ такой жизни — нѣтъ условій для проявленія этого духа; человѣкъ истинный погибаетъ и на его мѣсто является лишь грубый, неодухотворенный образъ его, проникнутый эгоизмомъ, черствымъ себялюбіемъ. Здѣсь двѣ великія міровыя антитезы: любовь, стремящаяся къ единенію, къ сліянію отдѣльнаго въ цѣломъ, и зло, какъ символъ отпаденія, разложенія на части. Вотъ два, и только два, пути для всей исторіи міра и отдѣльнаго

человѣка. Передъ каждымъ народомъ, передъ каждымъ государствомъ и передъ каждою личностью неминуемо стоитъ роковой вопросъ, по какому пути итти. Еще страшнѣе вопросъ этотъ передъ тѣми, кто долженъ вести другихъ, кто отъ Бога или отъ людей получилъ тяжелый удѣлъ — итти впереди другихъ.

Жизнь общины, вырастающая постепенно въ жизнь братства — вотъ первый путь; жизнь, обособленная, стремящаяся выработать личность съ идеаломъ отстоять себя противъ всѣхъ, — вотъ второй путь. Народы Запада избрали себѣ этотъ второй путь; народы Востока держатся перваго; наша Россія въ корнѣ своемъ хранитъ первый строй, но верхушками своими, высшимъ и среднимъ классомъ — склонилась на сторону второго [1]).

Отчего же у насъ въ Россіи произошла такая непослѣдовательность, такой переломъ историческаго склада жизни? Я объясняю это себѣ такъ. Россія первая изъ славянскихъ націй вступила на скользкій путь европейской цивилизаціи, которой владѣли уже народы съ партикуляристическимъ складомъ жизни; легче казалось овладѣть дарами этой цивилизаціи, идя по тому же пути, какъ шли эти народы, чѣмъ вырабатывать свой самобытный способъ достиженія этихъ идеаловъ культурной

[1]) Если я говорю съ такой увѣренностью о томъ, что путь любви и братства есть лучшій, то лишь потому, что вижу въ немъ исполненіе завѣта Бога нашего; логически я неправъ, но я правъ своею вѣрою; логически неправъ я, какъ русскій, превознося путь своего народа, какъ неправъ и иностранецъ, ставя выше свою самобытную жизнь; право рѣшить принадлежитъ исторіи; рано или поздно, она произнесетъ свой судъ, и не показываютъ ли нѣкоторыя черты жизни Европы, что она уже начинаетъ произносить свой неумолимый приговоръ. Какъ русскій, я правъ своею вѣрою въ Россію, и это моя основа. Я сказалъ это, чтобы предупредить упрекъ въ нелогичности.

жизни. Не забудемъ, что эта западная жизнь была дѣйствительно идеаломъ для тогдашней формировавшейся Россіи. И вотъ западныя учрежденія со всѣмъ своимъ духомъ отъединенности были перенесены на нашу почву, были привиты къ цѣльному еще въ основѣ своей обществу и начали свое дѣйствіе; дѣлаютъ и до сихъ поръ.

Реформа образованія, сдѣланная на нѣмецкій ладъ, воспитаніе, перенесенное изъ протестантской земли на православную, сдѣлало то, что мы не стали протестантами, но не остались и православными. Западный же духъ возвышенія личности на счетъ другихъ, боевого снаряженія человѣка на борьбу съ себѣ подобными, тоже не вполнѣ привился еще къ русской натурѣ и сдѣлалъ изъ нашего поколѣнія людей, потерявшихъ силу дружнаго единенія и не получившихъ крѣпкихъ кулаковъ для общей борьбы за жизнь. И вотъ — съ одной стороны, идетъ сѣрое, безжизненное существованіе, по инерціи, безъ смысла, безъ общей идеи, съ другой — масса жизней загубленныхъ, какъ говорятъ, заѣденныхъ средою... И кто знаетъ, какія, можетъ-быть, глубокія чувства, какую бездну любви уноситъ въ измученной душѣ такой человѣкъ въ свою преждевременную могилу... Пора же, наконецъ, сознать русскимъ людямъ, что всякая сила только въ единеніи, а въ единеніи любви — сила для всякаго добра въ жизни. Пора, наконецъ, воспитать это сознаніе въ будущихъ русскихъ людяхъ — нашихъ дѣтяхъ, вдохнуть въ нихъ ту бодрость духа, ту энергію жизни, которая дается сознаніемъ своей силы, сознаніемъ единенія себя съ другими, любимыми и любящими, сознаніемъ, наконецъ, высшаго смысла и правды жизни.

Въ народѣ нашемъ еще самою жизнью держится духъ единенія, но наше среднее, наше городское образованіе сполна пріобщаетъ свое разлагающее вліяніе къ разобщенной и безъ того жизни городовъ. Именно здѣсь, гдѣ сама жизнь не можетъ уже поддержать нашъ самобытный общинный духъ, — школа своимъ воспитательнымъ вліяніемъ должна въ питомцахъ своихъ пробудить это здоровое начало, сдѣлать возможнымъ въ будущемъ во всѣхъ сторонахъ жизни и дѣятельности русскаго человѣка переходъ къ новому, или скорѣе — къ старому, заброшенному нами, складу жизни; развить, усовершенствовать единство типа въ духѣ народномъ и окончательно выразить его въ формѣ братствъ трудовыхъ на всѣхъ поприщахъ народной и общественной дѣятельности — вотъ задача современныхъ самобытныхъ реформъ.

Это сознаніе необходимости жизни братской, общей, вмѣсто все болѣе и болѣе укрѣпляющейся борьбы за существованіе одного противъ всѣхъ, не можетъ войти въ *общее* сознаніе наше: настолько стала уже чужда ему наша жизнь. Лишь отдѣльными личностями можетъ быть логически ясно сознано, что разъ есть въ жизни какая-нибудь цѣль, то нужно осуществлять эту цѣль всѣми силами; борьба за существованіе не можетъ вести къ этой цѣли, потому что она сама требуетъ отъ человѣка всѣхъ его силъ, а часто даже свыше этихъ силъ, и человѣкъ погибаетъ... Значитъ, не должно быть личной борьбы, а должно быть единеніе, если мы хотимъ сохранить силы и достигнуть цѣли. Для христіанина цѣль и смыслъ всей его жизни ясны — достигнуть царства любви; не можетъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ готовиться къ борьбѣ за существованіе, за свое эгоистическое,

безцѣльное и безсмысленное существованіе, потому что силы для жизни всѣ поглощены борьбой. Что борьба будетъ въ жизни всегда, это понятно, какъ всегда будетъ добро и зло; но должна быть борьба общая, борьба цѣлаго тѣсно сплоченнаго *добра,* составленнаго изъ отдѣльныхъ добрыхъ единицъ; это цѣлое будетъ имѣть и силы и смыслъ въ своей борьбѣ, потому что сознательно идетъ къ своей побѣдѣ. Вѣдь, зла и злыхъ людей въ жизни много, такъ много, что и представить себѣ трудно, — не то что бороться съ ними отдѣльному горячему сердцу. Что сказали бы, если бы изъ войска высылать поодиночкѣ солдатъ на битву съ непріятелемъ? А вѣдь совсѣмъ то же дѣлается и теперь; каждый живетъ своею жизнью, каждый борется въ одиночку, а общія усилія направлены только къ тому, чтобы снабдить этого одинокаго борца лучшимъ оружіемъ, запасомъ провіанта...

Къ этому направленію приспособилось и воспитаніе, сначала на Западѣ, а потомъ и у насъ. И все въ идеѣ можно исправить, дополнивъ лишь однимъ словомъ. Пусть образованіе умственное и физическое готовитъ сильныхъ, умѣлыхъ борцовъ для жизни; но не ограничивайтесь этимъ, а воспитаніемъ нравственнымъ укажите этимъ борцамъ, какъ и для чего должны они бороться, чтобы стала эта борьба разумной и высокой; скажите, что они должны бороться дружно, стать твердою стѣною братскаго ополченія, истиннаго воинства Христова, за любовь, за всякое добро. Вотъ тогда, учителя и образователи новаго поколѣнія, вы станете на высоту своего христіанскаго призванія, тогда школа назовется христіанской, тогда воспитавшіеся въ ней сознательно и разумно войдутъ въ міръ, и каждый зай-

метъ свое мѣсто въ общей великой работѣ — созданія царства любви на землѣ.

VI.

Новая школа.

Реформа воспитанія должна быть первой и главной изъ всѣхъ реформъ нашей жизни, потому что она приготовитъ новое поколѣніе, способное воспринять дальнѣйшую реорганизацію жизни на общинныхъ началахъ, въ лучшихъ случаяхъ переходящихъ въ братства. Поэтому я и сказалъ еще выше, что считаю постановку воспитанія въ школѣ Н. Н. Неплюева образцовой въ этомъ отношеніи, а также христіанскимъ и чисто-русскимъ, національнымъ рѣшеніемъ задачи воспитанія.

Понимая вполнѣ необходимость сообразоваться съ цѣлымъ рядомъ современныхъ условій, я считаю, что единственно вѣрный путь для проведенія подобной реформы въ жизнь состоитъ въ устройствѣ, хотя бы въ видѣ опыта, немногихъ школъ на тѣхъ основахъ, которыя нужны для цѣлей нашего самобытнаго воспитанія. Эти отдѣльныя школы дадутъ въ лицѣ своихъ питомцевъ надежныхъ руководителей будущаго поколѣнія. Теперь же всѣ самыя лучшія намѣренія, самыя хорошія мѣры могутъ быть искажены и изуродованы за неимѣніемъ въ достаточномъ числѣ способныхъ, понимающихъ свои задачи лицъ. Пусть не ставятъ мнѣ въ вину педагоги, но я не могу не сказать откровенно съ горькимъ чувствомъ, что не одни внѣшнія условія портятъ школу и дѣтей, но что и личности теряютъ ясное пониманіе своего назна-

ченія и обращаются въ черствыхъ чиновниковъ, при постепенномъ прохожденіи своей служебной карьеры. Теперь же пусть лучшіе, безкорыстные труженики, соберутся возлѣ этихъ новыхъ школъ и создадутъ самобытнымъ воспитаніемъ достойныхъ продолжателей своего дѣла.

Признавая воспитаніе въ школахъ Н. Н. Неплюева самобытнымъ, я не считаю необходимымъ точную копировку всѣхъ пріемовъ его для новой средней школы; возможно, что при другихъ условіяхъ всѣ эти пріемы существенно измѣнятся. Важна и необходима лишь христіанская основа и самобытная цѣль воспитанія. Этимъ именно отличается система Н. Н. Неплюева отъ англійской при общности многихъ пріемовъ воспитательной практики. Самодѣятельность и свобода взаимныхъ отношеній, обусловливаемая любовью, — вотъ девизъ новой школы. Достигается это прежде всего подборомъ учителей-воспитателей, проникнутыхъ принципами христіанскаго воспитанія и способныхъ передать ихъ своимъ ученикамъ; въ практикѣ воспитанія и самовоспитанія открывается широкое поле для самодѣятельности учениковъ, понявшихъ, что истинно христіанское отношеніе къ этому дѣлу въ томъ, чтобы *съ любовью* указать недостатки и *съ любовью* принять эти указанія. Любовь, какъ принципъ воспитанія, долженъ вытѣснить въ новой школѣ всѣ другія положенія, которыми руководится современ-педагогія, т.-е. страхъ, корысть и такъ называемая, въ педагогической литературѣ, природосообразность. Первый шагъ въ дѣлѣ воспитанія въ томъ, чтобы дать ясно понять дѣтямъ, что далеко не все то хорошо, что есть въ нихъ, что привыкли они считать своей природой.

Хороши лишь тѣ стремленія, тѣ настроенія, которыя согласны съ духомъ евангельскаго ученія; многое же въ природѣ или, какъ чаще говорятъ, въ характерѣ есть уже результатъ наслоенія подъ вліяніемъ среды, семьи, внѣшнихъ условій и т. д. Поэтому необходимо возможно строже отнестись къ себѣ, „познать самого себя“ при свѣтѣ Христова ученія и съ любовью принять всякую помощь, всякія указанія, которыя другіе люди, вмѣстѣ живущіе, могутъ сдѣлать. Вѣрно, вѣдь, говорится, что со стороны все виднѣе; нужно только, чтобы любовь руководила въ этомъ случаѣ.

Самобытный колоритъ и отличіе нашей новой школы отъ англійской, какъ я уже говорилъ, должны быть въ религіозной основѣ и въ самой цѣли воспитанія. Только тогда новая школа достигнетъ своей цѣли, если съ самаго начала дѣятельность ея будетъ вытекать изъ чисто-религіозныхъ побужденій, что неминуемо отразится и на всѣхъ формахъ школьной жизни. Всѣ члены школьной семьи принимаютъ участіе въ общемъ дѣлѣ воспитанія и видятъ въ этомъ свой христіанскій долгъ.

Цѣль же новой школы не въ томъ, чтобы развить самостоятельную личность, устойчивую въ борьбѣ за существованіе, а въ томъ, чтобы приготовить сильныхъ піонеровъ жизни на основахъ *братства*.

Очевидно, что въ такой школѣ является полная возможность свободнаго развитія лучшихъ сторонъ души, лучшихъ стремленій, которыя всѣ не могутъ, конечно, противорѣчить духу ученія Христа; всѣ эти добрыя наклонности крѣпнутъ и, наконецъ, обращаясь въ добрыя привычки, становятся основами жизни.

Не употребляя никакихъ мѣръ наказанія кромѣ нрав-

ственнаго воздѣйствія, школа должна удалять отъ себя неисправимые ея средствами антихристіанскіе характеры. Особенно ревниво должна относиться школа къ огражденію ввѣренныхъ ей дѣтей отъ злыхъ элементовъ на первыхъ порахъ своего развитія. *Какъ бы ни былъ способенъ* ученикъ, школа *должна* въ этомъ случаѣ удалить его, предоставивъ поступить въ другія заведенія съ иными основами, средствами и цѣлями воспитанія. Новая школа должна быть послѣдовательна въ своихъ дѣйствіяхъ и понимать, что лучше удалить одного неисправимаго, чѣмъ вмѣстѣ съ нимъ потерять для своихъ цѣлей десятерыхъ слабыхъ, способныхъ усвоить дурные примѣры.

Быть можетъ, подобное отношеніе въ школѣ, гдѣ нравственное воспитаніе ставится краеугольнымъ камнемъ развитія, заставитъ и общество и семью отнестись внимательнѣе, серіознѣе къ своему долгу относительно дѣтей; всякому извѣстно, сколько легкомыслія приходится теперь наблюдать въ этомъ отношеніи: семья полагается на школу, школа надѣется на семью, въ результатѣ — грустная картина.

Для успѣха своей цѣли новая школа должна быть устроена внѣ города, съ общежитіемъ, и носить на себѣ семейный характеръ. Вся обстановка и жизнь по возможности самая простая, какъ для учениковъ, такъ и для руководителей.

Чтобы пріучить къ единенію въ жизни, школа должна всѣми средствами стремиться къ единенію въ духѣ любви между всѣми ея членами; это достигается общими бесѣдами, организаціей братскихъ кружковъ, возможными общими работами и развлеченіями.

Переходя теперь къ жизни учителей, я подхожу къ самому больному мѣсту новой школы. Я уже говорилъ, какимъ нравственнымъ ореоломъ окружена для меня личность истиннаго учителя и, слава Богу, часто, очень часто встрѣчаются такія свѣтлыя личности, особенно тамъ, гдѣ еще не слишкомъ обезличился, омертвился трудъ учителя, — въ народной школѣ. Только отъ такихъ учителей, для которыхъ дѣло школьное не есть одна лишь изъ возможныхъ профессій, а истинное дѣло его души, которые на другомъ мѣстѣ себя и вообразить не могутъ, только отъ этихъ учителей, повторяю, ждетъ школа своего возрожденія. Указывая на нравственное величіе званія учителя, указывая на высокую задачу его жизни, новая школа тѣмъ самымъ налагаетъ тяжелую и многимъ, быть можетъ, непосильную ношу на своихъ учителей. Они сами, собственной жизнью своей, должны показывать ученикамъ осуществленіе въ жизни тѣхъ идеаловъ, о которыхъ говоритъ школа; сами должны быть примѣромъ сознательнаго единенія въ духѣ любви, представлять организацію, способную дружно и бодро итти къ своей цѣли. Эта организація — братство. Институтъ учителей новой школы долженъ быть братствомъ учителей; составъ учителей каждой отдѣльной школы отдѣльная братская семья цѣлаго, всѣхъ объединяющаго Учительскаго Братства. Нѣсколькими словами я разовью подробнѣе свою мысль. Нравственное величіе учительскаго званія, сравнительно даже съ другими, такъ называемыми, хлѣбными профессіями, исключаетъ корыстныя побужденія. Но мысль о семьѣ, о необезпеченности ея въ случаѣ несчастья, всегда лежитъ тяжелымъ бременемъ на душѣ всякаго труженика; волею-

неволею опъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы заработать не только уже хлѣбъ насущный, но и на черный день; при этомъ некогда уже думать, какова эта работа, нельзя ли ее сдѣлать *лучше,* надо только *больше* заработать на завтра. Отъ этого, въ нашемъ случаѣ, учителя, даже самые безкорыстные, зарываются въ массѣ уроковъ и часто надрываются въ не по силахъ взятомъ трудѣ, не обезпечивъ иногда ни себя ни семьи. Правда, штатнымъ учителямъ приходитъ на помощь правительство съ пенсіей, но вѣдь это успокоеніе дается лишь черезъ 25 лѣтъ или же близко къ тому, а Дамокловъ мечъ чернаго дня виситъ надъ головой каждую минуту. Отъ этихъ условій и самые сильные люди могутъ уже терять почву подъ ногами, итти уже не по намѣченному идеалами пути, поневолѣ, быть можетъ, съ болью въ сердцѣ, не удерживаясь на высотѣ своего назначенія. Нельзя помочь этому палліативами, въ родѣ увеличенія окладовъ; я уже говорилъ выше, что обращеніе учительскихъ должностей даже въ „хлѣбныя“ (идеалъ такого направленія) неминуемо повлечетъ за собою пониженіе общаго нравственнаго уровня учительской среды. Здѣсь нужно средство радикальное; нуженъ новый, совершенный строй быта, нужно — братство учителей.

Простая мудрость нашего народа, вылившаяся въ пословицахъ: „на міру и смерть красна“, „съ міра по ниткѣ — голому рубашка“, съ незапамятныхъ временъ указала на этотъ самобытный строй русской жизни. Практика жизни народной издавна приложила уже этотъ принципъ къ самому важному, святому въ народномъ сознаніи дѣлу — созданію храмовъ Божіихъ въ землѣ русской, которые въ большей своей части сооружены на народные гроши. Тотъ же

духъ народный сказался въ жизни крестьянскаго „міра“. Что же мѣшаетъ и намъ, выросшимъ умственно и нравственно надъ народомъ нашимъ, сохранить, очистить и возвысить еще этотъ народный духъ? Пусть же новая школа, дѣйствительно, внесетъ свѣтъ въ нашу жизнь, пусть соберутся около нея, дѣйствительно, тѣ, кто „свѣтъ міру, соль земли“, пусть жизнью *своею* укажутъ настоящій путь *русской* жизни.

Въ настоящее время, по извѣстнымъ мнѣ свѣдѣніямъ, въ разныхъ кругахъ нашего общества сознается все болѣе и болѣе разобщенность жизни, и дѣлаются попытки къ созданію братскихъ союзовъ, хотя бы лишь на почвѣ духовнаго единенія и нравственнаго совершенствованія. Эти попытки возникаютъ въ разныхъ мѣстахъ среди частныхъ лицъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе личнаго знакомства съ жизнью и принципами Крестовоздвиженскаго Трудового Братства Н. Н. Неплюева. Единичныя попытки къ болѣе полному созданію жизни на основахъ братства также существуютъ; какъ на извѣстный мнѣ примѣръ, могу указать на трехъ воспитанниковъ Петербургской духовной академіи, которые, окончивъ курсъ, начали братскую жизнь, занявъ одинъ — мѣсто священника, другой — діакона, третій — причетника въ одной и той же церкви. Наконецъ, является даже мысль о созданіи общаго Всероссійскаго Братства, которое объединяло бы всѣ эти частныя попытки братскаго единенія; проектъ устава такого братства разрабатывается въ настоящее время Н. Н. Неплюевымъ при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ компетентныхъ лицъ. Въ дѣятельности подобныхъ братскихъ союзовъ одно изъ важныхъ мѣстъ займетъ воспитаніе дѣтей въ духѣ

христіанской любви и братскаго единенія, и я глубоко вѣрю, что выразится оно созданіемъ новаго типа школъ, описаннаго мною выше.

Всѣ эти факты доказываютъ, что настало уже время начать новый строй жизни, и въ этомъ отношеніи именно учителя новой школы должны дать спасительный примѣръ. Общая жизнь нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ или семей, соединенныхъ, помимо общаго чувства, общностью дѣла и надеждъ, доставитъ ту возможность матеріальнаго обезпеченія, которой никогда не добиться иными путями. Правильная организація братскихъ общинъ, братскаго капитала отниметъ у отдѣльныхъ лицъ заботу о завтрашнемъ днѣ, о семьѣ и дастъ возможность всего себя отдать на дѣло настоящей минуты. Приблизительно одинаковая, скромная жизнь каждой личности, каждой семьи уничтожитъ массу пороковъ, свойственныхъ нашей жизни. Такой организаціей сразу дѣлается огражденіе жизни труда, жизни дѣла христіанскаго отъ праздной, безцѣльной жизни „свѣта“ со всей лживостью его отношеній и пустотой интересовъ. Братская жизнь далеко не будетъ такъ легка, такъ розова, какъ можно думать, потому что въ насъ самихъ никогда не будетъ той гармоніи, того совершенства, какія должны быть въ истинномъ христіанинѣ; она трудна будетъ, эта братская жизнь, особенно для первыхъ піонеровъ ея; надо помнить, что мы совсѣмъ *не воспитаны* въ привычкахъ любви, не пріучены въ жизни съ любовью относиться къ другимъ, поэтому, если мы и согласимся въ теоріи съ превосходствомъ братскаго строя жизни, мы можемъ оказаться неспособными провести его въ дѣлѣ; вѣдь, при этомъ придется поступиться многимъ изъ того, что мы

эгоистически привыкли считать своимъ; мы должны принимать въ соображеніе при всѣхъ своихъ планахъ не только себя или семью, но и всю общину; понимать себя не въ отдѣльности, но въ цѣломъ, спрашивать, какъ отзовется тотъ или другой нашъ поступокъ на жизни всего цѣлаго. Все это будетъ тяжело намъ, себялюбивымъ, привыкшимъ требовать жертвы и уступокъ для себя, а не отъ себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ путь нравственнаго прогресса, путь ограниченія своего „я“ для всего „міра“. Пусть *мы* не вынесемъ такой жизни на практикѣ, но сознавая, что это происходитъ отъ *нашихъ* недостатковъ, отъ нашего эгоистическаго склада, дадимъ дѣтямъ нашимъ воспитаться въ привычкахъ устойчивой братской любви и этимъ облегчимъ имъ жизнь въ будущемъ.

Посмотримъ, какъ можетъ жить отдѣльная братская община учителей. Изъ общаго капитала дѣлаются расходы, нужные для всей общины, и ведется постоянная отчетность, чьихъ суммъ и сколько находится въ кассѣ. Такъ какъ способности и энергія участниковъ одинаковы быть не могутъ, то и сумма заработка каждаго изъ нихъ будетъ неодинакова. Возьмемъ простой примѣръ: одинъ изъ учителей составилъ учебникъ, который принесъ ему значительный доходъ; эта сумма поступаетъ въ кассу и значится на его личномъ счету, т.-е. онъ имѣетъ право располагать ею, но, конечно, лишь согласно съ общимъ духомъ всей братской жизни. Такимъ образомъ капиталъ общины состоитъ изъ отдѣльныхъ, неравныхъ вообще, паевъ и можетъ съ общаго согласія употребляться въ дѣло, согласно цѣлямъ братства. Если же кто-нибудь изъ членовъ братства, въ силу

обстоятельствъ, долженъ будетъ оставить общину, то онъ получаетъ изъ кассы все, что значится на его счету. Этимъ гарантируется свобода отдѣльнаго лица. Подобнымъ устройствомъ жизни достигается еще огражденіе отъ корыстныхъ, недобрыхъ элементовъ. Такіе люди, очевидно, изберутъ жизнь, которая даетъ больше своеволія личности, больше личной выгоды. Если случайно попадетъ человѣкъ съ такими взглядами въ братскую семью, то общая жизнь неминуемо дастъ замѣтить всѣ его скрытыя намѣренія и во-время оградиться отъ алчныхъ стремленій героевъ наживы. Поэтому я и сказалъ еще выше, что считаю очень нежелательнымъ такое обезпеченіе учителей, которое дѣлало бы эту должность выгодной на нашемъ рынкѣ безработной полуинтеллигенціи. Распредѣленіе содержанія сообразно семейному положенію гораздо болѣе соотвѣтствовало бы справедливости и упорядоченію нравственности. Даже при существованіи братскаго устройства жизни подобная система вознагражденія была бы наиболѣе справедливой и желательной; злоупотребленія, могущія происходить при этомъ, устранялись бы организаціей общины. Каждая отдѣльная семья учительская, т.-е. группа учителей, живущая общей братской жизнью въ одномъ мѣстѣ, имѣетъ выборнаго старшину или вообще представителя; всѣ общины, помѣщающіяся въ одномъ городѣ, составляютъ болѣе крупную единицу братской жизни; изъ старшинъ или особыхъ представителей составляется братская дума, которая вѣдаетъ дѣла, касающіяся всѣхъ мѣстныхъ общинъ; она имѣетъ своего представителя и т. д., пока, наконецъ, всѣ организаціи не объединяются во Всероссійскомъ Братствѣ. Подобная

организація устраняетъ массу злоупотребленій, возможныхъ въ теперешней частной жизни, и, наоборотъ, даетъ возможность правильно урегулировать всѣ отношенія; въ частномъ вопросѣ, относительно пропорціональности содержанія съ семейнымъ положеніемъ, очевидно, не можетъ быть никакой неточности или злоупотребленія, что непремѣнно имѣло бы мѣсто, если бы ввести эту систему при современномъ устройствѣ жизни.

Итакъ, въ силу всего вышесказаннаго, я считаю, что учителя новой школы должны первые подавать примѣръ общинной жизни и организовать изъ себя Учительское Братство. Предчувствую, что раздадутся протесты со всѣхъ сторонъ: невозможно выполнить это условіе, нельзя такъ переломить соціальное устройство, общественную жизнь; люди воспитались и сжились съ однимъ строемъ, нельзя требовать, чтобы они его перемѣнили на другой. Все это правда; это было бы насиліемъ, а братство есть прежде всего свободное согласіе воли, стремящейся къ добру. Да и нѣтъ рѣчи объ этомъ ломаніи жизни; я говорю лишь о *будущей* возможной формѣ жизни, въ пользу которой и теперь раздается уже не мало голосовъ. Вѣдь не мало и лицъ молодыхъ, только что вступающихъ въ жизнь, которымъ выборъ той или иной формы еще свободенъ. Вотъ и нужно только, чтобы эти свободные люди, соединенные общностью основъ и цѣли, согласились стать піонерами новой жизни, жизни въ братскомъ единеніи. Вѣдь въ нашей учащейся молодежи не мало честныхъ, идеальныхъ лицъ, которыя искренно готовы отозваться на высокую идею, искренно и безкорыстно готовы принести свои силы на общее дѣло. У кого хотя въ ранней

молодости не являлось этихъ чистыхъ мечтаній! Вѣдь, это уже потомъ безжалостная жизнь научаетъ насъ и неискренности и корысти. Такимъ отдѣльнымъ личностямъ организація братской жизни дастъ хорошее, свѣтлое будущее, полное осмысленнаго труда и радости вмѣсто надрывающей силы борьбы, тоски и отчаянія. Вотъ изъ этихъ рядовъ должны вербоваться воины новой арміи, арміи организованнаго добра въ жизни. Мнѣ скажутъ: это — все молодежь, нельзя ожидать отъ нея успѣха въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе и образованіе, у нея нѣтъ опыта. Но вѣдь опыта въ новомъ дѣлѣ нѣтъ ни у кого; лучше пусть къ новому дѣлу приступятъ люди безъ опыта, но *съ вѣрою въ него,* чѣмъ люди съ опытомъ въ дѣлѣ ложномъ (каково современное воспитаніе) и съ скептицизмомъ въ сердцѣ. Наконецъ, быть не можетъ, чтобы не нашлось сочувствія новому дѣлу и въ людяхъ зрѣлыхъ, которые своими силами помогутъ въ практическихъ затрудненіяхъ начинающимъ новый путь.

Можетъ-быть, выработается другая болѣе совершенная форма, въ которую выльется тотъ же духъ любви и братства; главное — въ томъ, чтобы создалась, наконецъ, прочная, разумная организація добра въ жизни, которая дала бы защиту отъ хищной и звѣрской борьбы за существованіе.

Еще разъ напомню, что все высказанное мною не есть результатъ теоретическихъ размышленій, утопическихъ мечтаній, а вытекаетъ изъ прямого непосредственнаго знакомства съ тѣмъ, что уже осуществлено въ жизни Крестовоздвиженскаго Трудового Братства. Нѣкоторыя лица, не сочувствующія братству, пытаются

придать ложное освѣщеніе жизни и дѣятельности школъ и Братства П. Н. Неплюева, выдавая ихъ за что-то обособленное отъ „міра“, не гнушаясь даже намеками на сектантство. Школы готовятъ и выпускаютъ обыкновенныхъ людей труда, отчего и самое Братство называется трудовымъ; люди эти живутъ обыкновенною жизнью, заняты обычными работами, рѣшили только образовать изъ себя общину и по-братски относиться другъ къ другу. Жизнь ихъ вполнѣ открыта не только властямъ духовнымъ и свѣтскимъ, но и всѣмъ частнымъ лицамъ, которыя имѣютъ достаточно добрыхъ чувствъ, чтобы личнымъ изученіемъ провѣрить сообщенія печати. Равнымъ образомъ Братство всегда принимало и готово принять въ число своихъ членовъ людей со стороны, не подготовленныхъ воспитаніемъ въ школахъ П. Н. Неплюева, если они докажутъ на дѣлѣ, что способны вести жизнь труда и любви. Наконецъ, проявленія религіознаго чувства заключаются въ обыкновенной молитвѣ, къ которой вѣрующій человѣкъ относится съ благоговѣніемъ.

Н. Н. Неплюевъ своею дѣятельностью произвелъ великій опытъ реорганизаціи воспитанія и всего строя жизни; дай Богъ, чтобы онъ былъ встрѣченъ любовью и пониманіемъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ я подведу итоги всему, сказанному мною во второй половинѣ работы. *Нужно изгнать современный форменно-казенный духъ школы на серьезно-сознательный бытъ семьи; всѣ отношенія поставить на основу любви вмѣсто современной дисциплины страха и корысти; признавая, далѣе, общинное начало глубоко сродственнымъ русскому духу, воспитанным Церковью нашей и жизнью народа, мы должны,*

желая итти самобытнымъ путемъ развитія, ввести это начало въ нашу жизнь и прежде всего въ нашу школу. Община, съ духовнымъ ростомъ ея членовъ, обращается въ братство; поэтому братства на всѣхъ путяхъ человѣческой дѣятельности есть конечная цѣль христіанской и преимущественно русской культуры. Школа — первый шагъ на этомъ пути, и самобытное воспитаніе въ немъ — то, которое приготовитъ людей къ сознательной жизни на началахъ братства, а не борьбы за существованіе. Началомъ реформы я считаю устройство новой школы, у которой сгруппировались бы люди, проникнутые основами христіанскаго воспитанія. Институтъ учителей-воспитателей новой школы необходимо долженъ представлять изъ себя братство, чтобы обезпечить успѣхъ воспитанія примѣромъ; этимъ строемъ жизни радикально устраняется необезпеченность педагогическаго персонала, содержаніе котораго должно быть въ пропорціональной зависимости отъ семейнаго положенія отдѣльнаго лица.

Моя работа кончена. Да простятъ мнѣ читатели, если я въ заключеніе повторю слова Ѳ. М. Достоевскаго, въ которыхъ вижу глубокое, пророческое проникновеніе нашего великаго психолога въ характеръ и душу русскаго народа.

„И впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, т.-е., конечно, не мы, а будущіе, грядущіе русскіе люди поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ въ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и все соединяющей, вмѣстить въ нее

съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ-быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону! Знаю, слишкомъ знаю, что слова мои могутъ показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что ихъ высказалъ. Этому надлежало быть высказаннымъ и особенно теперь, въ минуту торжества нашего, въ минуту чествованія нашего великаго генія, эту именно идею въ художественной силѣ своей воплощавшаго. Да и высказывалась уже эта мысль не разъ, я ничуть не новое говорю. Главное, все это покажется самонадѣяннымъ: „Это намъ-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой землѣ такой удѣлъ? Это намъ-то предназначено въ человѣчествѣ высказать новое слово?“ Что же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всемірному, ко всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское, можетъ-быть, изо всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено, вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ геніи Пушкина“.

А. Лютецкій.

Имѣя въ виду, что теперь новая средняя школа съ гимназическимъ курсомъ, на основахъ изложеннаго выше самобытнаго воспитанія, близка къ практическому осуществленію въ одной изъ центральныхъ губерній Россіи и желая имѣть болѣе ясное пониманіе, насколько свое-

временна и желательна въ нашемъ обществѣ подобная реформа воспитанія, я очень просилъ бы лицъ, познакомившихся съ моей статьей, особенно педагоговъ и родителей, не отказать сообщить мнѣ свои заключенія по этому поводу. Организаторамъ новаго дѣла дорого всякое сочувствіе, и все высказанное съ добрымъ чувствомъ будетъ съ благодарностью принято и по возможности проведено въ жизнь. Сообщенія прошу адресовать: Черниговская губернія, м. Янполь, Трудовое Братство П. Н. Неплюева, Александру Александровичу Лютецкому.

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отъ автора 5

I. Положеніе вопроса о средней школѣ 7

II. Темныя стороны школы 17

III. Положительные идеалы школы 31

IV. Два опыта реформы школьнаго воспитанія 44

V. Самобытное воспитаніе 65

VI. Новая школа 79

2007044244